

миры артема каменистого

S-T-I-K-K-S

Владимир Мельников

ИЛЫИБКА
СТИККА

18+

Владимир Мельников

Улыбка Стикса

«Автор»

2020

Мельников В. В.

Улыбка Стикса / В. В. Мельников — «Автор», 2020

Действие романа разворачивается в мире Стикс, в который попадают, вырванные из своих реальностей, участки территорий, со всем, что на них находится в момент переноса. Основное действие происходит в течении одних суток, с момента переноса огромного числа новых кластеров на территорию, ранее занимаемую чернотой. Образовалась новая территория Стикса, где иммунные и зараженные оказались в одинаковых стартовых условиях: - иммунные ничего не знают ни о мире, куда они попали и большинстве его опасностей, ни о способах выживания, а зараженные находятся на начальных стадиях развития. Из четырех разных кластеров выбираются в поисках других не обратившихся людей группы и одиночки. Окончание романа – начало нового дня. Встретившиеся в одном месте герои, выжившие после скитаний по кластерам, решают объединиться и, осваивая новые территории, создать свою общину, помогая выжить и нормально существовать, как можно большему количеству выживших людей.

© Мельников В. В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1.	7
Глава 2.	11
Глава 3.	13
Глава 4.	18
Глава 5.	21
Глава 6.	23
Глава 7.	27
Глава 8.	31
Глава 9.	34
Глава 10.	39
Глава 11.	41
Глава 12.	42
Глава 13.	45
Глава 14.	48
Глава 15.	53
Глава 16.	55
Глава 17.	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Владимир Мельников

Улыбка Стикса

Чернота хороша, если надо придать контраст чему-то светлому. Сплошная чернота некрасива, безлика, страшна.

Хотя романтик и ценитель прекрасного может найти в черноте Улья определенную красоту. На прилетевших в этот мир новых кластерах потерявшие былой цвет предметы не просто становятся черными, они глянцево-черные, с блеском, как кусок гудрона, как шерсть черного домашнего откормленного кота посреди зимы.

Все, что прилетело из своего мира в Улей, первое время имело такую красоту. Со временем этот блеск уходил, уступая место матовому и безликому. Под воздействием ветра и солнца хрупкие высосанные черной энергией растения постепенно рассыпаются. Из-за этого старые кластеры похожи на плеша, которые оставляет стригущий лишай: всё в них серо, блекло и уныло.

Чернота страшна. Но то, что она высасывает из всего живого силы и энергию, ещё не самое страшное явление. Главная опасность этих мест – непредсказуемость.

Обычный кластер, какой бы он быстрый не был, предупреждает о перезагрузке кислым запахом и постепенно сгущающимся туманом. Чернота же не предупреждает. Вспышки молний, электричество в воздухе, и небольшое смещение воздушных масс. Все. И вот уже на месте плеша новая земля, которая зачастую чернеет очень быстро: 2-3 часа, и от красок бывшего мира не осталось и следа. Чаще всего процесс занимает 1-2 дня. И, как правило, никакого кисляка. Улей экономит на спорах, а если и выделяет их, то редко. Перенос живых существ ничтожно мал, и шансов выжить у них практически нет.

Да и местные бродяги гибнут от перегрузки черноты крайне редко. Ходить особо некому. Опытный и бывалый долгожитель без большой надобности в нее не попрется и долго бродить по ней не будет.

Чернота огромна. Если смотреть во все стороны с высокой, то ли покатою горы, то ли сильно вытянутого вверх посреди равнины холма, похожего на указывающий в небо палец, не видно ни одного цветного пятнышка. Чернота и голубое небо. Даже редкие водоемы нельзя рассмотреть издали самым зорким взглядом – вода в них безлика, дно черно.

Если бы наблюдатель мог подняться выше, к облакам, то увидел бы очень редкие и крохотные островки жизни, совсем незначительные на этом черном ковре. Словно плоты на поле бескрайнего моря.

Но нет такого аппарата, который мог бы летать над чернотой. Она губит не только живое, она – враг техники. И чем техника высокотехнологичней, тем быстрее погибает, потому и увидеть эти островки никому не дано. Но они есть.

Кто и зачем создал этот мир? Кто им управляет? Какой высший смысл происходящего в Улье?

Нам этого не понять.

Но этот кто-то, разум ли, механизм ли, внес новизну в необозримые просторы черной земли.

Лишь только в мирах-донорах погасли их светила и «власть» перешла к лунам и далеким звездам, появился туман. Медленно завладев сначала низинами, затем – подвалами строений и постепенно заполнив всю площадь будущего переноса, туман мгновенно устремляется ввысь, четко огражденный невидимым периметром. Со стороны это выглядит будто огромный граненый стакан наполнили клубящимся дымом, его часто используют на сценах концертных залов. Вот только невидимые грани кластера не пропускают этот «дым», а вместо подсветки ограниченное ими пространство пронизывают многочисленные молнии.

Зрителей у этой вакханалии тумана и электричества мало. Люди спят в уютных кроватях, дремлют в креслах на дежурствах, трудятся в закрытых помещениях на непрерывном производстве.

Водители, патрульные гаишники, запоздавшие прохожие и влюбленные парочки, бродящие по ночам в городах и селах, наблюдают за этим явлением кто с восхищением, кто со страхом, кто с опасением. Кислый запах тумана раздражает и напрягает нервы. Мысли об аварии на химпроизводстве витают в головах.

И полный информационный вакуум – нет связи, нет электричества. А с рассветом ползут слухи. Если бы нашлись люди, способные собрать эти перлы, которые выдают в народные массы слухометы, можно было бы написать несколько рассказов одновременно комического, трагического и фантастического содержания. Только писать их времени не осталось, а читать вообще скоро будет некому.

Споры из ночного тумана попав с воздухом в организмы людей мгновенно, с первым вздохом, влетели в кровь и помчались по капиллярам и нервам, быстро и неуклонно подчиняя их своей злой воле. Но у некоторых, очень немногих, выработался неведь откуда взявшийся иммунитет. И пошла в массы игра под названием «Лотерея Стикса», которая разделила всех на две неравноценные части: на тех, кто будет жрать, и тех, кого будут жрать. На тех, кто будет мыслить о том, как выжить и жить, и тех, кто будет только жрать, думая о еде остатками разума, оставленного носителю губительными спорами.

А Улей улыбался.

Глава 1.

База «Проект»

(накануне)

– Лейтенант Малоф, представляют по случаю прибытия для прохождения службы.

Полковник сидел за небольшим столом, одновременно служившим и электронной картой, и планшетом. Предмет мебели и гаджет. Два в одном.

При необходимости на нем можно нарезать ножом колбаску ничего не подкладывая, а можно стукнуть по нему кулаком в мгновенья гнева. Мебельно-электронный дивайс.

Несмотря на технологии, Полковник перелистывал папку, состоящую из листов обычной бумаги. Некоторые просматривал мельком, некоторые перелистывал не уделяя им даже мгновения своего времени. Отдельным документам уделял особое внимание.

Казалось, что стоящего в пяти метрах от него лейтенанта не существует. Есть только Полковник и папка с бумагами.

Не пролистав папку до конца, полковник поднял глаза и пристально посмотрел на Малофа. Побуравив его взглядом секунд 10, резким движением руки захлопнул папку. Таким же резким движением встал и обойдя стол приблизился к лейтенанту.

– Лейтенант по контракту, Ирме Малоф, 26 лет. ВВС. С отличием должен был окончить Каунасское высшее летное училище. Отличное пилотирование.

Спортсмен. Вредных привычек не имеет. Не женат. родителей нет. Отменные характеристики и рекомендации. Аварийная посадка, травма ног и руки. Я все правильно озвучил из Вашего дела?

– Так точно, товарищ полковник.

– Уточните, кто предложил Вам работать в этом проекте?

– Командир моего курса, подполковник Груни.

– Андрей Андреевич?

– Так точно. Он приходил ко мне несколько раз в госпиталь. Справлялся о самочувствии. Беседовал с докторами. Он очень сожалел о случившемся.

Считал меня перспективным пилотом. Но полученные травмы не позволят пилотировать самолеты. Организм не справится с перегрузками. Несмотря на успехи медицины. Медицинская комиссия поставила большой крест на моей карьере. И военной, и летной.

– И как Груни Вам предложил направиться сюда?

– Беда не приходит одна. Когда я попал в госпиталь, моя сводная сестра пострадала в автокатастрофе. В такси, на котором она ехала, врезался грузовик. Погиб водитель и все пассажиры.

Сестра получила множественные переломы. В результате еще и обострился диабет. Лечение крайне дорогостоящее и длительное мероприятие. Медстраховка не покрывала.

В кредите банки мне отказали – нет работы. Во время реабилитации в санатории военного министерства Груни сказал, что вероятней всего я буду уволен из армии по состоянию здоровья.

В лучшем случае можно будет остаться в армии на гражданской должности в обслуживающем персонале. Но это копеечная зарплата. Сестре помочь я не смогу.

Груни сказал, что есть закрытый проект. Участие в нем достойно оплачивается, есть льготы. Но и риски в нем тоже не малые. Подробностей я не знал. Но выбора у меня и не было.

Я дал предварительное согласие и через день мне позвонили с предложением прибыть на собеседование.

– Куда?

– Прошу прощения, товарищ полковник, но первым документом, который я там подписал, было обязательство о неразглашении.

– Принято. Продолжайте.

– Быстро прошел медицинский осмотр. Хотя на врачей люди, его проводившие, совсем не были похожи. У них уже была вся моя медицинская документация. В основном это были различные анализы – кровь, моча, кал, слюна, потовые выделения после нагрузки. В течение трех дней. Несколько раз в сутки. На тошак. После приема пищи. После сна или во время него.

Один раз кровь брали после стресса. В комнату, где я находился, влетел огромный пес. Дог. Переросток даже для этой породы. У него вообще не было шерсти. А кожа была чем-то разрисована.

Влетел он практически без шума. Я уловил дыхание и звук от когтей на кафельном полу. Все что я успел – это отпрыгнуть в противоположную от него сторону.

Его пасть, клыки были в нескольких сантиметрах от моего лица. Уже потом я увидел, что на нем надета шлея с тросом, который и удержал его на таком расстоянии от меня. При этом пес не лаял.

Через какое-то время трос утащил его в другое помещение. Пес упирался и очень хотел меня попробовать на вкус. За тем вошли "медики", взяли кровь и слюну. Хохотнули, что мочу после Джека надо брать, выкручивая трусы. Они были правы в этом.

Губы полковника изобразили усмешку.

– Ни чего у них там не меняется. Только трусы клиентов.

Хохотнув, полковник вернулся в свое кресло и жестом предложил Ирме присесть.

– Я – Полковник. Это и в глаза, и за глаза. Просто Полковник. Без товарища. Без имени. Есть на базе еще полковники. Пять. Вот они товарищи, полканы и так далее. Я Полковник.

База Проекта военно-научная или научно-военная. Это кому как нравится. У кого какие приоритеты и задачи. Проще называть базу Проект.

Над мной – только Генерал. Он руководит Проектом. Ему подчинены военные и ученые. Для меня он Генерал. Для них Большой Босс.

С учеными потом разберешься. Кто, для чего, зачем, что надо. Летуны часто с ними общаются.

Теперь расскажу иерархию по военной линии.

Я Первый Полковник. На мне замкнуты все, что летает, планирование рейдов и боевых операций, взаимодействие с учеными.

Тебе приказывать могут только я и командир авиагруппы. Остальные идут лесом.

Второй полковник – он же комендант базы. Периметр и прилегающая с наружи территория, внутренний режим. Для тебя он указ, если ты бухой будешь валяться оббосанный в форменных брюках и об блёванной рубашке. Спросить он с тебя может, но только за испачканный тобой пол и неряшливую форму.

Третий полковник – спецназ.

Четвертый – тяжелая бронетехника, мотопехота, пушкари, технари.

Пятый по счету – Первый на воде. Мореман. Есть река, есть большое озеро. Есть море. За выход в море толкаемся с конкурентами. Об этом позже. Мы там почти не летаем, чернота в море с нашего берега близко кластеры набросала.

Шестой. Разведка. Все, что нужно ты о нем услышал.

Полковник, помолчав минуту, спросил: – В училище летал на реактивных. После подписания контракта сколько налета и на чем?

– В учебном центре налетал 50 часов на Ли-2 "Овод". 20 часов на Ил-2К.

– На чем больше понравилось?

– Ил "Каратель". Управляемость, огневая мощь, живучесть.

– Индивидуалист. На "оводе" работа в команде.

– Согласен. Привык рассчитывать только на себя. Победа – значит моя. Накосячил – только моя вина. И меня никто не обвинит, что сделал не так, не доделал, не выполнил. Да и я никого винить не буду.

– Тут не совсем прав. Есть еще люди, которые планируют мероприятие, организуют взаимодействие и обеспечение. Можно организовать грандиозную операцию и провалить ее из-за плохого взаимодействия или от того, что где-то в цепочке, от разработчика до исполнителя, проведен плохой инструктаж.

Не качественно. Еще Суворов говорил, что каждый солдат должен знать свой маневр. К этому могу добавить, что не только знать, но и понимать, что, когда, где и с кем он выполняет порученное ему задание, а также, какой результат ждут именно от него и от всего мероприятия в целом. Ладно. Это все потом.

Полковник достал из сейфа пластиковую карту синего цвета.

– Это твой паспорт, твой пропуск, твой банк. Мы зовем ее АйДи.

Вслед за карточкой Полковник извлек из сейфа флешку.

– Что тебя удивило при обучении?

– Экипировка. Самолеты дозвуковые. Поршневые двигатели. Скорости смешные. А костюмы больше на скафандры космонавтов похожи, причем первых лет освоения космоса. Не очень удобно пилотировать.

Под них и кресла другие в кабинах смонтированы. Подвижность хуже. Я задавал эти вопросы. Ответ один – не знаем, объяснят на месте службы.

– На носителе, – Полковник глазами указал на флешку, вся информация о Проекте, которую тебе знать необходимо и можно. Тебя проводят в твой блок. Флешку в ТВ-систему, по запросу на экране приложишь к красному сенсору своей АйДи.

Вначале просмотришь ознакомительный ролик. По окончании, через "меню" ТВ-системы, полайк по вкладкам. Там ответы на вопросы, которые появятся после ролика. Обед закажешь в блок через внутреннюю связь.

Ужин в 19.00. Дежурный по сектору покажет где. В 19.30 ко мне. У тебя будет 10 минут на вопросы. Утром включаешься в работу. Времени на раскачку нет. Свободен.

Ирме встал. Приняв строевую стойку, четко кивнул головой Полковнику и развернувшись через левое плечо покинул кабинет.

В приемной его ожидал боец с нашивками сержанта.

– лейтенант Малоф? Я провожу Вас в Ваш блок.

Выйдя из приемной они повернули направо. Пройдя по длинному коридору, по лестнице поднялись на этаж выше. На площадке между лестницей и лифтом находился дежурный по этажу. На это указывала и табличка у него за спиной, и красная повязка на левой руке с такой же надписью. На левом боку дежурного в открытой кобуре находился пистолет, модель которого Ирме не знал.

Сержант провел своей АйДи по кратридери на столе дежурного, после чего дежурный жестом предложил сделать то же самое и Малофу. Взглянув на экран монитора, дежурный открыл дверь. Вероятно, что дистанционный выключатель замка двери был под столом и нажимался ногой, так как руками дежурный ничего не активировал. Хотя, открытие замка мог проводить и невидимый оператор, следящий за входом через камеры.

– Это жилые помещения летного и технического персонала авиакрыла. Так же, тут проживают сотрудники еще нескольких подразделений. Ваша комната 14. Полный адрес 3-5-14-Ж. Вход по АйДи. Располагайтесь. Ваш багаж уже сюда доставлен. Блок внутренней связи в комнате возле входной двери. На время сна его обычно переключают на дублера, закрепленного возле кровати.

Отдав честь сержант направился к двери, за которой находился дежурный.

Ирме приложил карту к считывающему устройству на стене, справа от двери. Дверь ушла влево в нишу.

Помещение было просторным для одного проживающего. Первая комната три на три метра. Справа от входной двери шкаф-купе. Слева на стене схема базы, вернее несколько схем.

Как Малоф и предполагал, база находилась под землей и имела несколько этажей-уровней.

На схемах было видно 4 уровня. 1-й уровень "Технический". Вот так, одним словом, без пояснений.

Под ним уровень с жилыми помещениями основной части личного состава базы.

На третьем, его уровне, 3 жилых сектора и три сектора, никак не отмеченных на схеме.

Сбросив на кровать форменную куртку и сняв ботинки, Ирме намеривался вначале посетить душ, а уже потом оставшееся время посвятить просмотру информации на флешке.

Вставив ее в ТВ-систему и нажав «старт», продолжил раздеваться. На экране появились первые кадры, увидев которые, ирме перестал снимать одежду и неотрываясь уставился в экран.

Когда раздался зумер на входной двери, Ирме встал и машинально взглянул на часы:18.50.

За дверью стоял дежурный. – Вас небыло на обеде и в комнату к себе ни чего не заказывали. Решил напомнить, что через десять минут ужин, а за тем у вас встреча с Полковником.

– Да, спасибо, сержант. Я сейчас соберусь на ужин. Буду вовремя. Спасибо.

Он закрыл двери и опустился на стул. После просмотра роликов, которых на флешке было множество, пробелы, которые остались в знаниях после учебного центра, практически были заполнены.

Полученное знание было интересным, но страшным. Малоф все больше склонялся к мысли, что вытащил билет в один конец, когда подписал этот контракт.

Глава 2.

Табор.

00.40

Унтер-офицер Архип Назаров пристально всматривался в темноту ночи.

Из-за бруствера передовой немецкой траншеи поползли первые клубы газа. Вот уже не видно препятствия из пяти ряда кольев с натянутой по ним колючей проволоки. Легкий ветерок тянул со стороны германских окопов белый, клубящийся газ. Запах был незнакомый, кислотавый какой-то, будто муравьев раздавил.

Третий раз, с того момента, как германские части заменили на этом участке фронта потрепанную австро-венгерскую часть, ими применялись отравляющие газы. Первый раз это произошло неожиданно, практически перед самой атакой их 12-го Астраханского гренадерского полка. Русское командование рассчитывало, что германцы еще недостаточно освоились на новых позициях. Те, вероятно, считали также и провели газовую атаку, применив иприт. На позицию прилетело всего несколько бомбических снарядов, но и этого хватило, что бы атака сорвалась. Три десятка солдат и офицеров, хватанув совсем немного воняющего чесноком воздуха, сразу выбыли из строя. Паника, охватившая попавшее под газовую атаку подразделение, поставила крест на наступательной операции, а вид задыхавшихся бойцов, которых санитары спешно переносили в тыл, деморализовал весь личный состав.

Этой отсрочкой германцы воспользовались по полной: подтянули отставшие при переброске части, их артиллерия пристреляла ключевые подходы, пехота оборудовала деревоземляные укрытия для пулеметных расчетов.

Второй раз газовую атаку они предприняли спустя неделю. Используя дувший в сторону русских окопов ветер, германцы пустили из баллонов хлорный газ. Астраханских гренадер спасло только то, что задудло чуть в сторону, и основная часть газов понеслась левее их позиций, в низину, которую занимал Саратовский пехотный полк.

Назаров набрал в легкие воздуха и хотел крикнуть «Газы», чтобы предупредить, спасти товарищей. Но крик не получался – легкие пекло, руки и ноги стали как чужие.

– Ахрип! Дед Ахрип! Вставай! Перезагрузка. Бежать надо, – Батый, старший дежурный сегодняшней ночной смены, тряс его за плечо, – вставай. Минут двадцать у нас осталось. Уже всех поднимаем.

Тряхнув головой, Ахрип отогнал ночное сновиденье, которое раз за разом возвращало его в далекое прошлое. Привычно мотнув портянки и впрыгнув в стоящие рядом сапоги, он направился к выходу из дома, на ходу подхватив стоявшие у изголовья карабин и большой рюкзак.

Табор – так они сами называли себя уже больше двух лет. Больше называть их так было некому. Ни врагов, ни соседей в этом мире у них не осталось.

Прошло более двадцати лет, как Улей потряс катаклизм. Начали «чернеть» кластеры. Сначала на востоке «погрузились в чернь», как стали говорить старожилы, сразу с десятков лесных и полевых кластеров. Позже такими же стали и населенные стандартные кластера, издавна служившие для пополнения запасов. Но этому не сильно и удивлялись, ибо Стикс не любит постоянства, а наоборот, для разнообразия, наверное, подкидывает неприятности тем, кто начал считать, что понял природу этого мира, приспособился к нему и стал вести размеренный, просчитанный уклад жизни.

Сначала черные кластеры появлялись группами и поодиночке, но мало кто задумывался об этом явлении, а если таковые и появлялись, их дразнили паникерами или трусами. Никакого изучения возможной системности, в изменениях географии региона, никто проводить даже не

думал. Жили одним днем. Ну, появился и появился новый кластер. Почернел, да и хрен с ним. Кластеров множество, с нас не убудет. Мир велик, на наш век хватит.

Так было, пока совсем неожиданно не пал сильный и старый стаб Рим, просуществовавший несколько долгих десятилетий и ставший домом для более чем восьми сотен постоянных жителей и периодически приходивших-уходивших гостей. Он решил перезагрузиться в одну из ночей. Перезагрузка неприятное, но обыденное для этого мира явление. Ее надо ждать всегда, быть к ней готовым. И на стабе это правило как-бы тоже действует, но со временем за житейской суетой уходит на вторые-третьи планы, за что потом приходится очень дорого платить.

Платить панической эвакуацией. Бессистемным бегством. Никакого плана, очередности, порядка. У всех в голове только одна пульсирующая мысль: бежать самому и близким. В мешок самое ценное: патроны, спораны, готовый живец. Все остальное можно и потом добыть или найти. Сейчас же только бежать, уезжать, уползать из проклятого тумана. Никто не знает скорости перезагрузки. Известно только, что не успеть – это означает либо погибнуть, либо стать безумным человеком-овощем с высохшим мозгом, что то же самое, что погибнуть, только с маленькой отсрочкой.

Ещё вечером ты – хозяин жизни, у тебя большой магазин, дом. На тебя работают несколько человек. Опытные группы сталкеров добывают тебе все, что необходимо для бизнеса. Двери руководства стаба для тебя открыты. Тебя знают и уважают. Ты, сытно поужинав, приняв ванну и растянувшись на шелковом постельном белье, на огромной итальянской кровати, предаешься чарам Морфея. Потом бах... И вот ты уже, тяжело дыша, бежишь по улице, отталкивая прохожих и спотыкаясь о брошенные кем-то на дороге вещи. Ты обгоняешь начальника охраны стаба, который уже и никакой не начальник вовсе, а тебя отталкивает, чтобы пробежать первым, твой бывший продавец.

Рим пал. Никто не стал выяснять, сколько тогда погибло народу. Всем, собственно, было наплевать, да и не до того. Сначала отбивались от тварей, которые всегда подтягивались к перегружаемым кластерам за свежей добычей. Потом, разбившись на группы по интересам, разошлись в разные стороны. Тот, кто еще какое-то время оставался вблизи бывшего Рима, через пару дней увидел, как все на новом кластере начало терять природные краски. А еще через два дня, утром обнаружил, что и дома, которые перенесли с перезагрузкой, и деревья, стоят антрацитово-черные.

Глава 3.

Лагерь.

01.00

– Ну что ты ломаешься? Девочка что ли? – Иван раздраженно толкнул плечом сидящую рядом Римму, которая пыталась удержать руку мужчины, настойчиво пробирающуюся ей под платье. Вторая его рука, крепко охватившая ее талию, удерживала молодую женщину на месте.

– Я не хочу так, – она вновь попыталась отстраниться, но рука мужчины была сильнее.

– Как «так»?

– Вот так, на лавочке, в лесу, «по-быстрячку», – она явно перекивляла ранее услышанные от него слова.

– Ну ресторана с омарами тут нет. И ближайший цветочный магазин за пятьдесят км. И ухажерством заниматься не с руки – все ж на виду.

Шесть дней назад Римма Козакова приехала в организованный в сосновом лесу возле села Сосновка лагерь для «трудных» подростков. Ей тридцать два, шесть лет не замужем, детьми не обзавелась, кота нет, цветы поливает соседка. Предложение областного Комитета по делам семьи и молодежи ,провести два месяца на природе, вырвавшись из городской обыденности и духоты, она приняла сразу.

Лагерь расположился в сосновом лесу в шестидесяти километрах от областного центра. В первую смену на 45 дней заехало 156, собранных со всей области, трудных подростков от 12 до 16 лет. Их разделили на несколько отрядов по возрасту и полу. Девочек было намного меньше – два отряда по двадцать пять человек. Старшим вожатым и воспитателем был Иван Васильевич Талин, крепкий, высокий мужчина 55 лет от роду, большую часть своей жизни служивший в армии, а после её сокращения, до выхода на пенсию, служил в исправительно-трудовой колонии.

Лагерь он попал «по блату» – его сестра была заместителем председателя областного совета.

С первого дня знакомства Иван Васильевич оказывал ей знаки внимания, был вежлив и обходителен, постоянно отпускал комплименты.

А сегодня, незадолго до отбоя, предложил прогуляться к реке. Но романтической прогулки вдоль реки не получилось, опустился сильный туман с приторно кислым запахом. Решили возвращаться ближе к лагерю.

Прогулка затянулась, но сразу как-то свидание не задалось. Видимо, пользуясь отсутствием посторонних взглядов, обходительность и интеллигентность Ивана Васильевича, ушли на второй план, а на первое место вышли похоть и пошлое хамство.

Уже несколько раз ей приходилось убирать его руки, которые пытались залезть под платье либо схватить за грудь.

– Вы видите, что в лагере нет света, Иван Васильевич, – несмотря на неоднократные предложение старшего воспитателя, она не могла выйти в общении с ним «на ты», – наверное, что-то с подстанцией. Давайте возвращаться.

Римма быстрым шагом направилась к слегка различимым в темноте воротам лагеря. В это время из темноты раздался звук разбившегося стекла, а за тем несколько детских криков.

– Твою ж мать! – мимо, обгоняя ускорившую шаг Римму, пробежал Иван Васильевич. Она тоже перешла на бег, ориентируясь по его желтой футболке, видневшейся впереди.

Территория лагеря была поглощена тьмой, высокие деревья, окружающие его территорию, практически скрывали небесные светила.

Вопреки ожиданиям Риммы, Талин не побежал к спальным корпусам. Его фигура виднелась возле электроподстанции и уже через пару минут послышался звук аварийного бензино-

вого генератора. Несколько раз неуверенно мигнув, загорелись лампы на столбах освещения. От подстанции Талин побежал к домику вожатых, где была и его комната. Римма побежала к спальному корпусу девочек.

– Римма Александровна, они кусаются, – на встречу бежали две девчонки, имен которых она еще не запомнила, – там несколько девочек кусаться стали. Мы думали прикальваются, а Светка Щеголева меня до крови за руку укусила, – девчонка показала кровившую на кисти рану.

Пока Римма подбегала к зданию, из него высыпала толпа подростков в ночных рубашках. Часть оставалась на месте, но большинство бежало в разные стороны. Увидев вожатую, с десяток воспитанниц бросились к ней. Из-за общего крика ничего понять было невозможно, и Римма быстрым шагом направилась к дверям корпуса. Аварийное освещение запитывало только освещение территории лагеря. В окнах зданий было темно. Прикрыв ладонями с боков глаза, Римма попыталась рассмотреть через стекло, что происходит внутри комнаты. В этот момент изнутри помещения в стекло ударило лицо одной из воспитанниц. Преграда, в виде стекла ей очень не нравилась, и она стала бить по нему ладонями. Все ее лицо было в крови.

«Скорую» надо вызывать, – подумала Римма, – а как же? Стационарного телефона еще в лагере не было, все никак не подключили к линии. Мобильная связь брала только на пригорке в полутора километрах от территории.

– Машка, ты что? – за ее спиной раздался крик одной из девочек и сразу же еще несколько человек начало истерично визжать. Одна из девочек, судя по всему та самая Маша, которая раньше сидела на траве и держалась обеими руками за голову, свалила на землю сидевшую рядом подругу и вцепилась ей в шею зубами. Покусанная девчонка жутко визжала, часто била по голове Маши ладонями и отталкиваясь пятками от земли, пыталась отползти от нападавшей, но та ее не отпускала, крепко держа руками. Когда Римма подбежала к ним, у девочки было откушено часть уха, из раны на шее фонтанчиком вырывалась кровь, а Маша успела вырвать из плеча несколько кусков плоти.

Схватив обезумевшую за ноги, Римма начала оттащить ее в сторону. Сначала Маша не хотела отпускать свою жертву, но за тем, недовольно урча, повернулась к вожатой. Все ее лицо, руки и ночная рубашка спереди, были перепачканы кровью. Она села и склонив голову к плечу как бы оценивающе посмотрела на Римму, которая отошла на несколько шагов назад. Издав утробное урчание поднялась и направилась к ней, вытянув вперед свои руки.

– Все бегом к корпусу мальчиков. Быстро! – крикнула Римма и махнула рукой, указывая направление воспитанницам. Уже отбегая она обернулась и увидела, как сразу четыре девочки, встав на колени, начали вгрызаться в ранее покусанную Машей подругу.

К спальному корпусу мальчиков Римма прибежала в окружении пятнадцати девочек. Внутри помещения происходило побоище. Иван Васильевич с бейсбольной битой в руках, метался по самому большому спальному помещению и наносил удары воспитанникам, которые пытались напасть на него с разных сторон. На полу и кроватях лежало больше десятка тел с разбитыми головами. Сам Иван Васильевич был в брызгах крови, футболка была порвана в нескольких местах.

С десяток мальчиков стояли на улице смотря на бой через окно. Еще несколько парней сидело и лежало на клумбе возле корпуса.

– Оставайтесь тут, девочки, я к другим воспитателям, – Козакова направилась к домику, где была и ее комната, которую она делила с Ниной Фомичёвой, двадцатитрехлетней выпускницей педуниверситета.

Всего в лагере было восемь воспитателей. Три женщины и пять мужчин. Еще была директор – Анна Мироновна, уехавшая в город по хозяйственным делам и повариха тетя Галя, которая спала в комнате при столовой.

Открыв двери воспитательского корпуса, Римма тут же ее закрыла. К двери приближался Андрей, воспитатель младшей группы, он урчал так же, как и девочка Маша. Понимая, что тут помощи не будет, Римма бегом вернулась к корпусу мальчиков.

В это время из него вышел, весь окровавленной, Иван Васильевич. – Думал, что от местных хулиганов пригодится, – он махнул битой и сел на траву. На правой щеке у него кровоточили три царапины, тянувшиеся от виска к подбородку.

– Давайте я вытру кровь, – предложила Римма и показала ему на щеку.

– А, оставь, мелочь, по сравнению с мировой революцией. Все равно полностью надо обмыться и одежду менять.

Талин подошел к щиту пожарного инвентаря и откинув крышку бочки с водой, окунул туда голову. Стряхнув воду с волос, стянул с себя перепачканную кровью футболку и зачерпывая ладонями воду, обмыл грудь и плечи. За тем окунув в воду, помыл и биты.

– Я буду звать тебя Спасатель, – сказал Иван, обращаясь к бите и поглаживая ее кончиками пальцев, – и вы все ее так будете называть, – повернувшись к окружившим Римму ребятам и обведя всех пронзающим взглядом, продолжил Талин. Несколько ребят часто закивали головами.

– Где остальные воспитатели?

– В нашем корпусе. Видела только Андрея, хотел меня покусать, но я убежала. Остальных не видела.

– Во как? И молодые тебя не устраивают! – как-то и зло, и с иронией сказал Талин. – Схожу, посмотрю. Все равно переодеться к себе надо идти.

Отбросив футболку, старший воспитатель направился к спальному корпусу руководства лагеря. – Ты со мной, – проходя мимо мальчиков, Талин указал на одного из них концом биты, и парень покорно потрусил за ним, – пересчитай пока всех, не оборачиваясь, но явно обращаясь к Козаковой, громко крикнул он из темноты.

Возле Риммы собралось девять девочек и двенадцать ребят. Получается, что вместе с парнем, ушедшим с Талиным, спаслось всего двадцать два. Двадцать два из ста пятидесяти шести! Хороши воспитатели. «Прогулялась к реке, дура, – винила себя Римма, – по-флиртвала». В голове галопом пронеслись мысли о быстром суровом суде и длительном сроке, вдали от дома.

– Ну, сколько нас всего тут? – Талин с парнем подходили из темноты. Он переоделся в джинсы и куртку защитного цвета. Бита вновь была испачкана кровью.

– Детей двадцать два. Девять девочек.

– Нормально. Для восстановления человеческой популяции достаточно.

– О чем вы? – ей очень не нравился тон, которым говорил с ней Талин.

Ответить он не успел. Со стороны столовой раздался грохот железной посуды. Из двери появилась тетя Галя. Судя по отсутствию на ней одежды, спать повариха любила полностью обнажившись. Очень толстая женщина с многочисленными жировыми складками на шее и животе, отвисшими большими грудями, издавая урчащие звуки, направлялась к ним.

– А эту прекрасную амазонку упокоить придется тебе, тебе и тебе, – Иван Васильевич по-очередно ткнул битой в грудь трем подросткам. – Выполнять быстро. Советую взять вон тот топор, с противопожарного щита и лом.

Ребята испугано переглянулись. Они, конечно, дворовые хулиганы, дерзкие ученики, непослушные детки. Но сейчас им отдан приказ убить. Убить своими руками пожилую женщину, которая еще этим вечером кормила их сырниками с чаем.

– Опаньки, а что замерли? Хотите Спасателя отведать? Или ждете, что она вас оближет, вместо того, чтобы сожрать? Или мне за вас отдуваться во всем надо? Быстро вперед! Повторять еще раз не буду.

Тетя Галя была уже в десяти шагах, когда один из ребят, которых Талин выбрал для этого, отважился первым нанести удар ломом по спине женщине. Удар был не ловким и только подтолкнул ее вперед, но не свалил. Она обернулась и двинулась на обидчика, протягивая к нему руки.

В этот момент второй паренек, глубоко выдохнув, подбежав к ней сзади и оттолкнувшись ногами, плечом ударил ее под колени. Женщина рухнула, но тут же попыталась встать.

– Добить, – властно крикнул Талин, и третий парень дважды ударил бывшую уже поварику по голове кирпичом, который он вырвал из ограждения дорожки.

– А ни чего, команда из вас выйдет.

Талин улыбнулся и подмигнул парням.

– Так, остальные парни. Возле корпуса девочек я видел суету какую-то. Вы туда идете и всех упокоите. Всем смысл этого слова ясен? Или надо еще разжёвывать?

Вопросов ни у кого не было. Шесть парней направились к корпусу девчат. Один, проходя мимо первой тройцы, забрал лом. Остальные по пути вырывали из земли красный кирпичи.

– Долго там не возитесь. Десять минут вам на все про все, – крикнул им в след Талин.

Он повернулся к оставшимся. – Сейчас парни вернуться, и я всем кое-что покажу. А сам вновь пошел к бочке отмывать быту.

Через несколько минут назад вернулось пятеро парней.

– Где еще один? – спросил Иван.

– Да мы уже возвращаться думали, а тут Антоха вдруг заурчал так же, как и все эти зомбаки, и хотел покусать меня. Его вон Швед упокоил, – говоривший показал рукой на высокого белобрысого парня.

– Ясно. Хорошо. Теперь осталось двадцать один. Пошли.

Иван Васильевич махнул призывно рукой и направился к воротам лагеря. Римма и все ребята гурьбой пошли следом за ним.

Они подошли к месту, где смыкалась подкова леса, оставляя место для дороги, ведущей к лагерю. Дальше простиралось поле до самой реки. Это было то место, где Римма впервые услышала крики в лагере.

– Ну вот, любуйтесь.

Талин развел руками и посмотрел в высь.

Римма и все ребята уставились, на ранее скрываемую деревьями, панораму звездного неба. Незнакомого неба с неизвестными светилами. Газовые спиралевидные облака и несколько лун разного размера, вот что открылось их взору.

– Я это, еще когда ты на крик побежала, увидел. Но осмысление позже пришло, когда в спальном корпусе дрался, – Иван проговорил это только Римме, тихо подойдя к ней сбоку. И ещё смотри, – он обнял ее за плечи и битой указал в даль, – ни одного огонька, ни одной лампочки ни где, ни одной машины. Мы явно не там, где были вчера вечером.

– Все, посмотрели и хватит. Возвращаемся в лагерь, – Талин махнул битой в сторону лагеря, – а ты не спеши, – обратился он к Римме.

Когда дети отошли, он пристально посмотрел ей в глаза и сказал: – Теперь, дорогуша, в этом мире, ты моя женщина. Других, по крайней мере, пока нет. А я твой мужчина. Это тебе понятно?

– Да, – тихо ответила Римма и опустила глаза, не выдержав взгляда Ивана. – Понятно.

– Пошли, в лагере определюсь, что дальше будем делать, – и пропустив Римму вперед, хлопнул ее ладонью по попе.

От лагеря послышался шум голосов ребят, и воспитатели перешли на бег.

Сразу за воротами на земле лежало четыре тела. Два мальчика и две девочки.

– Что тут? – Талин обвел всех строгим взглядом.

– Только зашли на территорию, вот Сереня, – заговорил парень, которого называли Шведом, – Нину зубами за шею схватил и сразу кусок вырвал. А когда она упала, на нее сразу еще Матюх и Танька накинулись. Ну, мы то сзади них шли, и успокоили их сразу.

– Итак, нас осталось еще меньше. И пока не понятно, будет ли этот процесс превращения в зомби продолжаться еще или нет. Поэтому, все внимательно следим друг за другом и за своим внутренним состоянием. Ясно?

Детвора дружно кивнула головами.

– Кого-то из вас кусали? Думаю, соврете, если кусали. А ну, построились.

Когда дети выстроились в шеренгу, Иван обошел их, внимательно осмотрев, не нашел ни каких травм.

– У тех, которые возле ворот сбесились, укусов точно не было, – сказал самый маленький ростом парень, – я ними и из лагеря вместе шел, и назад сразу за ними возвращался. А Сереня все время на боли в голове жаловался и пить хотел.

– Назовись, – обратился к нему Талин.

– Махно Владимир.

– Как пацаны зовут? Прозвище есть? А то, разве быстро всех запомнишь.

– Для ребят я Рыжий, – ответил парень.

– Ты ж русский! Почему вдруг Рыжий? – удивился воспитатель.

– А ему, когда что-то поручают сделать, он всегда говорит: «А чо я? Я что, самый рыжий?», – хохотнув, ответил за Владимира Швед.

– Понятно. Остальных буду запоминать по ходу дела, если зомбаками не станете. Сейчас все переодеваемся в спортивные костюмы и удобную обувь. У кого чего-то не хватает, пошарьте в вещах упокоенных. Через десять минут все собираемся возле столовой, – и взмахом руки отправил ребят к спальным корпусам. – Присматривайте там друг за другом, – крикнул он им вдогонку.

– Пошли и мы осмотримся, – обратился он к Римме, – тебе тоже надо подготовиться.

Когда они вошли в корпус воспитателей, Римму стошнило. В коридоре навалом друг на друге лежали тела ее бывших коллег. Все было перепачкано кровью. Ближе всех к выходу, на спине, лицом вверх, лежала ее соседка по комнате. На голове с перепутанными и испачканными кровью волосами, зияла огромная рана.

– Иди в свою комнату, подбери одежду и обувь. Если есть рюкзак – возьми. Я к себе заскочу, кое-что еще забрать надо.

Глава 4.

Комбинат железобетонных конструкций.

03.00

Свет погас в три часа ночи. Через пятнадцать минут дежурный электрик запустил резервный дизель генератор. За окном возобновился привычный шум работающей техники, перебивания рабочих.

Дверь прорабской приоткрылась и в ней появилась голова мастера участка Григория Федорова.

– Василий Петрович! Вам бы взглянуть на это.

Григорий мотнул головой в сторону окна.

Василий Петрович Бурмич был заместителем директора ЖБК – крупнейшего в области предприятия по производству железобетонных конструкций. Обычно ночью предприятие не работало. Кроме охраны, на территории оставалось не более 10 человек, которые готовили предприятие к новому трудовому дню: дежурные электрики, ремонтники.

Сегодня в ночную смену вышло более сорока человек. Обычно вагоны с цементом и арматурой приходили днем.

Все произошло из-за сбоя в работе железной дороги, которая доставила состав в 19 часов, когда большинство рабочих разъехалось по домам и их пришлось обзванивать, вызывать, обещать отгулы и сверхурочные выплаты. Директор лично попросил Бурмича остаться и проконтролировать ход работ. Переживает старик.

Да еще и вагоны необычные. Оставлять до утра тоже нельзя – простой вагонов недопустим. Принадлежат голландской транспортной компании, которую подрядили иностранные заказчики для доставки цемента. Логистика их использования расписана на месяцы вперед. Сбои нашей железной дороги им, во-первых, непонятны. Во-вторых, не волнуют. Нарушил сроки – плати.

Наши вагоны, для перевозки грузов, универсальные. Хочешь – вези цемент в мешках, хочешь – ящики с электронной техникой, можешь и лошадей загнать для перевозки, ну, или снаряженные ящики. Лучше всего, когда цемент приходил в специализированных вагонах-ёмкостях. Разгрузка в них проводилась через трубопроводы, которые подсоединялись к вагонам.

Эти импортные вагоны не имели обычных ворот. У них в стороны разъезжалась крыша и все грузы, которые находились на поддонах, выгружались кранами. И цемент был тоже импортный. Для специзделий повышенной прочности и долговечности в условиях агрессивной среды. Финская строительная компания выиграла тендер на строительство очистных сооружений для, начавшего строиться, химпредприятия. Очистка предусматривала замкнутый цикл с минимумом выбросов в окружающую среду. На строительстве самого предприятия работы только разворачивались. А финны уже выполнили треть работ. Восемьдесят процентов изделий ЖБК производили сейчас для них. А когда начнется строительство корпусов самого химзавода, ЖБК планировалось перевести на круглосуточную трехсменную работу. Для этого уже набрали дополнительный персонал, который обучался на курсах при комбинате и часто проходил практику.

Василий Петрович взглянул в окно. В лучах прожекторов, освещавших территорию железнодорожного пути, стелился туман. Он как бы выходил из земли. Рабочие ходили по колено в этом тумане и были похожи на звезд эстрады.

Бурмич водрузил на голову синюю каску, подарок финских партнеров, вздохнул глядя на только что заваренный чай и вышел догонять мастера.

Резкий запах кислоты ударил в нос, как только он вышел на крыльцо. Недалеко двое рабочих пили из-под крана воду.

– Что-то мутить всех стало, – сказал Федоров, подташнивает всех практически. Может авария какая?

Бурмич и сам ощущал сухость во рту, но подумалось о сахарном диабете, который месяц назад откопали у него врачи. В памяти проскочили слова из мультфильма: «Это только гриппом все вместе болеют, а с ума сходят по одиночке».

– Давно туман?

– Да как электрики свет на площадку дали, так и заметили его. Он вначале по самой земле стелился. Сейчас уже сильнее поднялся. Машка-крановщица сверху матом ругается, говорит туман треугольный. Что делать-то будем, Петрович? Я на МЧС набирал и диспетчеру на товарную станцию – связи нет. В мобильных у всех ноль антеннок.

– Торопиться не спеша будем.

Подойдя к водопроводному крану, возле которого стояло уже шесть рабочих, Бурмич подставив под струю ладонь жадно напился. Постояв несколько секунд вновь приложился к струе. Жажда не отпускала.

Вдруг туман стал быстро подниматься вверх. Всего несколько секунд, а в тумане видно только силуэты людей и контуры ближайших зданий. Появилось какое-то искрение. Желтые и синие микромолнии буквально напитали собой туман.

– Внимание всем! – как можно громче крикнул Бурмич в еще более сгущающийся туман. – Прекратить работы. Всем бегом в админкорпус на верхний этаж.

– Машка на кране, – напомнил мастер.

– Кран намного выше зданий. Скажи ей по радиации пусть там сидит и не истерит.

Бурмич рванул к себе в кабинет. Главное связь. Надо связаться с городом, руководством, доложить и получить инструкции. Телефон молчал. Индикатор наличия связи на мобильном издевательски мигал красным цветом.

«Вот ведь, век технологий, – подумал Василий Петрович, – нет связи и сразу катастрофа. Села батарея телефона – нет человека».

– Петрович! – в кабинет вновь влетел Федоров. – Туман ушел, весь и мгновенно. Глянь в окно, чертовщина какая-то.

Посмотрев в окно Бурмич действительно не увидел ни капельки тумана, который еще пять минут назад плотно окутывал все во круг. Но удивило его не это. Сразу за проходной, где раньше располагалась парковка для транспорта, поднимались огромные сосны.

– Василий Петрович, ты не туда, ты на небо глянь.

А вот тут стало действительно непонятно и страшно. Над ним раскинулось чужое небо. Абсолютно ЧУЖОЕ! Звезд было меньше, да и выглядели они значительно крупнее. Прямо над головой висела ЧУЖАЯ луна. Просто светлый диск без каких-либо пятен лунных морей. Правее, в промежутке между корпусами комбината, ближе к горизонту имелась еще одно ночное светило, размерами в десяток раз уступающее луне, но крупнее любой из привычных звезд. Еще сильнее поражала спиралевидная туманность в небе над появившимся откуда-то лесом.

– Что делать будем, Петрович?

– Есть у тебя кто-то со своим транспортом? В город надо. В милицию, в МЧС. К директору, в конце концов, надо попасть и доложить.

– У электрика мотоцикл «МТ» с коляской. Остальные на комбинатовском автобусе приехали.

– Скажи электрику, что бы собирался на выезд.

Бурмич открыл окно кабинета. На дворе запах кисляка практически отсутствовал. Странно, ветра не было, а ни тумана, ни запаха.

Повесив на вешалку каску и спесовочный плащ, в которых он всегда ходил по комбинату, Бурмич взял со стола барсетку и пошел во двор.

На крыльце сидел рабочий и, обхватив голову руками, что-то нечленораздельно мычал. Каска валялась метрах в трех от него.

– Тебе плохо? – Петрович потряс рабочего за плечо. То нервно дернул плечом, освободившись от руки и как-то странно, скорее зло, посмотрел на Бурмича. В уголках его рта пузырьками вытекала пена.

– Я в город. Оттуда вызову «Скорую». Или с нами поехали. В мотоцикле есть одно свободное место.

Работник ничего не ответил и опустив голову вновь обхватил ее руками.

Подходя к проходной ЖБК Бурмич, через открытые ворота увидел, что вахтер стоит вместе с электриком возле черного мотоцикла с коляской и перекаtywаясь с носка на пятку, вглядываются в лесную чащу, которая теперь начиналась в сорока метрах от КПП. Там же оканчивалась дорога из железобетонных плит и ее продолжением была обычная грунтовка, уходившая между деревьев.

Уже подходя к мотоциклу, Василий Петрович оглянулся и увидел, что около 10-12 рабочих направляются в сторону проходной. Он повернулся с желанием сказать им что-то ободряющее. В этот момент со стороны мотоцикла раздалось непонятное урчание.

Он уже почти успел развернуться, когда две пары рук толкнули его в грудь. Бурмич потерял равновесие, взмахнул руками, попытавшись выровняться. Барсетка, ловко выскользнув из руки, по крутой дуге отправилась в урну возле КПП, которую поставили всего две недели назад по его же указанию. Оценить попадание было не кому. Падая на спину Бурмич увидел нечеловеческие глаза вахтера, который отпихнув электрика свалился на него сверху.

– Да вы что, охренели или перепились? – закричал Бурмич пытаясь столкнуть вахтера с себя. Но в это время его ногу пронзила сильная боль. В нее зубами вцепился электрик. В это же мгновение, заурчав каким-то довольным тембром, вахтер впился в его шею зубами. Боль пронзила все тело. Жажда жизни требовала сопротивления. Но силы как-то вмиг оставили его. Двое из рабочих, которые первыми подошли к месту свалки, опустились на колени, вцепившись в его раскинутые в стороны руки, стали жадно отрывать куски плоти вместе с материей пиджака и рубашки.

Глава 5.

Парочка.

03.20

– Ты чувствуешь вонь какая-то?

– Угу, – сонно ответил Олег.

Глаза совсем не хотелось открывать. Нега, накрывшая его после длительного секса, настоятельно требовала, хоть немного, но отдохнуть и телу, и душе.

Раз в неделю они по полной программе отрывались у нее в квартире, на восточной окраине города, где родители Оксаны четыре года назад купили единственной дочери однокомнатную квартиру на четвертом этаже двенадцатиэтажки. Чаще у Олега не получалось. Жена, дети. Работали в одной организации. Аккуратные и очень короткие встречи в ее кабинете после работы – это не то. Это для галочки в интимных отношениях. Так, пощекотать нервы. Ублажить себя и дать выход, накопившейся за рабочий день, энергии.

А вот в эти встречи в квартире, Олег и Оксана отрывались по полной программе. У них выработался определенный ритуал этих встреч, который нравился обоим. По дороге с работы они заходили в супермаркет, где Олег покупал красное вино, фрукты (которые выбирала Оксана), шоколад и какой-нибудь перекус себе на утро. Обязательным стали и куски торта, которые поедались глубокой ночью, под чаек. Ну или утром, если ночью времени на торты не оставалось. Борьба с калориями, которую без пощады к себе вела Оксана последние годы, на этот вечер и ночь уходила на второй план. Во-первых, уж очень хотелось вкусняшек, а во-вторых, Олег помогал ей сгонять те калории, которые накопил в магазине.

На квартире все было давно распланировано и отработано: Оксана быстро звонила маме – я дома, все хорошо, на работе порядок, здорова, люблю и целую. За тес мыла и резала фрукты, а Олег готовил глинтвейн. На стуле, возле большой кровати, сооружали стол. За тем Оксана включала заранее скачанный в интернете фильм, как правило, эротического содержания. После первого стакана глинтвейна им уже было не до еды и фильма. Они дорывались друг до друга и отключались от мира.

– Ну, Олег. Воняет. Закрой окно на кухне. Я оставила на микропроветривании.

– Вот нормально? Она оставила, а Олег беги, спасай мир!

Он чмокнул ее в носик и направился на кухню. Комнату действительно наполнял кислотный запах.

Слегка изменив маршрут, завернул в туалет, что бы отдать накопленный организмом долг природе, заскочил в ванную, где в умывальнике сполоснул холодной водичкой уставшего Другана.

На кухне часы показывали 3 часа 20 минут. Олег протянул руку к ручке окна и замер. За окном, в ночной мгле, происходило что-то совсем необычное. Отодвинув жалюзи он мало что смог четко рассмотреть и еще меньше смог понять.

За окном, сплошным молоком, стоял туман. Сквозь его пелену были видны многочисленные электрические разряды. Ими было насыщено все пространство за окном. И сильно бил в нос запах кислоты.

Олег закрыл оконную раму и, подхватив с кухонного стола тарелку с нарезанной дольками груши, вернулся в спальню.

– Ну что там на улице? – Оксана, подхватив с тарелки два ломтика, быстренько их оприходовала.

– Хз. Ни хрена не видно. Сплошной туман. А запах напоминает, как когда-то с коксохимзавода несло. Но он уже лет десять не работает.

Олег забрался под одеяло и обхватив подругу левой рукой, правую запустил ей между ног.

– Олег, перестань! Как ты можешь что-то хотеть, когда на улице не понятно, что!

– А что там? – прошептал ей на ушко Олег, – ну туман, ну запах. Если эта фигня не опасна, то это фигня – фигня. Если это что-то опасное для жизни – ни ты, ни я это не исправим. У тебя есть противогаз? Нет. Я с собой тоже как-то не прихватил. И у соседей их нет. Давай решать вопросы по мере их поступления. Меня сейчас другое волнует. – Олег отстранился от Оксаны и наиграно скорчил очень озабоченное лицо.

– Что? – Оксана надула губки.

– Меня там ждут? – он нежно пошевелил пальцами, поглаживая прелести подруги и языком пощекотал ее шею.

– Ну, Олееееег! Перестань!

– О! Мокренько! Чувствую, что уже ждут! – и Олег нежно, но настойчиво потянул Оксану на себя, давая понять, что наступила ее очередь не лениться сверху.

Они оба были сторонниками длительного секса. Как в начале их отношений однажды сказал Олег – Я человек восточный, для меня важен сам процесс, а не его результат. Мне важно увидеть, что я смог тебя довести до финала, а я финиширую, когда захочу. И ей это очень нравилось.

Глава 6.

Инженерно-саперный батальон.

03.30

– Товарищ майор, товарищ майор, просыпайтесь!

Стук в дверь вырвал из сна. Заместитель командира отдельного инженерно-саперного батальона майор Вадим Язык, вытянулся на четырех составленных вместе стульях, на которых был раскатын армейский матрас. Отбросив с себя шинель, с не перешитыми погонами подполковника, которые он не успел заменить на майорские, и уселся, прогоняя остатки сна, растирая лицо ладонями.

– Заходи, открыто. В дверном проеме появилось лицо солдата, подсвеченная фонарем, который тот держал в руках.

– Что там случилось? Почему нет света?

– Товарищ майор, ничего не понятно. Свет вырубил, всё в тумане и жуткий запах химии. У всего наряда голова болит. Связь с караулом, нарядами и казармами отсутствует.

Обоняние майора давно ошущало кислый запах. В окне стояла пелена тумана.

«Лучше перебздеть, чем недобздеть», – подумал Язык.

– Боец. Боевая тревога. Быстро всем надеть противогазы. Будить личный состав. Личному составу при побудке сразу команду – одеть противогазы, потом одеваться. С каждой роты ко мне по одному дневальному.

Быстро встал, надел сапоги, застегнул портупею с кобурой, которые висели на спинке стула и вышел в коридор. Света нигде не было, на тумбочке дневального горела керосиновая лампа.

Помещение штаба, где Язык отдыхал, будучи в наряде дежурным по части, находилась в пятиэтажном здании казармы. В левом крыле первого этажа располагался штаб инженерно-саперного батальона, правом крыле казарма роты управления. На втором, третьем и четвертом этажах находились казармы инженерно-саперных рот, на пятом этаже располагались учебные классы для занятий личного состава.

С противоположной стороны плаца части находилась трёхэтажная казарма роты инженерных машин и роты обслуживания, в простонародье «технарей» и одноэтажное здание солдатской столовой.

Язык подошёл к шкафу, в котором располагались противогазы и другие средства защиты офицеров штаба, и натянул маску своего противогаза на голову.

Подбежал дежурный. – Товарищ майор, – начал он доклад. Движением руки Язык остановил дежурного.

– Сержант, действуем быстро. Кто оделся, строишь в коридоре казармы. Связь с другими зданиями есть? – говоря под противогазной маской, приходилось сильно напрягать связки, чтобы сказанное точно воспринималось подчиненным.

– Никак нет. АТС нет.

– Как АТС нет?

– Так АТС находится на территории стройбата, который располагался через сквер от нашего КПП. Сквер есть, а стройбата нет. Там такие высокие деревья видны, наверное, сосны.

– Бредятина какая-то, ладно, потом разберёмся. Давай, строй бойцов.

Через 5 минут в коридоре казармы построилась 26 солдат, облаченных в противогазы.

– Сержант, выдели три человека, которые быстро одевают индивидуальные защитные костюмы и двигаются в столовую, на КПП и в роту инженерных машин. Боец, направляемый в столовую берет противогазы на всех членов наряда столовой. Задача – объявить боевую

тревогу, довести до сведения дежурных требование, незамедлительно всему личному составу одеть противогазы и организовать наблюдение за местностью.

– Отправь бойцов верхние роты с тем же приказанием.

– Уже отправил.

– Ещё отправь с командой – всем замкомандира взводов, командирам отделений прибыть в учебный класс номер 2 учебного корпуса. Да, еще дизель генератор из подвала на плац, надо аварийное освещение запустить.

Когда язык поднялся на пятый этаж там уже находилась 8 сержантов.

Он открыл двери учебного корпуса и прошел учебный класс.

Окна выходили в сторону ремонтного завода. Но завода не было, было чистое поле, по которому стелился туман.

Через пять минут в комнате, вместе с ним, собралось восемнадцать человек.

– Подошли ближе, вокруг меня собрались, чтобы лучше слышно было, – сказал майор.

– Что у нас тут происходит, я не знаю. Связь отсутствует. Поэтому исхожу из таких вариантов: – авария на химическом производстве, – диверсия с применением химических отравляющих веществ против нашей и соседних воинских частей, – начало агрессии противника. Кто из взвода связи?

Два бойца подняли руки

– Задача. Развернуть местную телефонную связь с использованием полевых телефонных аппаратов. Два установить на крыше в разных концах здания. По периметру крыши установить посты наблюдения. Кто замком взвода третьей роты? – руки подняли ещё два бойца. – Выделите одно отделение для выполнения этой задачи. Все в ИЗК.

– Ребята! Выполняем команды, по мере их поступления.

Четыре сержанта покинули комнату.

– Кто из 2 роты? Трое подняли руки.

Ткнув в одну из фигур пальцем. – Фамилия?

– Старший сержант Кротов.

– Так, Кротов, берёшь 3-х бойцов и в изолирующих в костюмах выдвигаетесь технарям, где ты принимаешь командование на себя, до прибытия офицерского состава. Там организуешь те же самые мероприятия, который организовал здесь я: наблюдение, связь, охрана оружейных комнат. Давай уже, выдвигайся.

– Следующий, фамилия?

– Сержант Васищев.

– Васищев, 5 человек в изолирующих костюмах с автоматами. Сменить личный состав КПШ. Выполняй.

– Всем остальным – проверить, чтобы весь личный состав противогазов не снимал. Открыть оружейные комнаты и вооружить штатным оружием всех сержантов и по одному отделению с каждой роты. Вооруженным бойцам находиться в помещении оружейных комнат и на постах дневального.

– Кто из взвода инженерной разведки?

Один из сержантов поднял руку.

– Всех бойцов взвода, в индивидуальных защитных костюмах, отправляешь за оборудованием для проведения химической разведки местности. Двигайся.

Язык спустился в штаб

«Лучше перебздеть, чем недобздеть», в очередной раз подумал Язык. «Если что, всё оформлю как внеплановые учения с личным составом».

Ошибаться ему нельзя. Никак нельзя.

Майор Вадим Петрович Язык, 40 лет от роду, ещё неделю назад был подполковником, командиром этого самого инженерно-саперного батальона.

Этот год вот как-то не задался: сначала жена, уставшая от постоянных переездов, его командировок, тревог и так и не сложившегося быта, уехала в январе к маме Калугу, потом отец, пролежав 2 недели, скончался от приступа инсульта, вдобавок ко всему, приехавший молодой капитан, шнурок-проверяющий, зацепившись за отсутствие в планах учебы личного состава батальона каких-то мероприятий, начал грозить страшными карами и намекать на подарок проверяющему, который это самое страшное поможет избежать, в добавок ко всему, начал требовать себе молодуху в постель. Но вместо молодухи получил в рожу. Выбитый зуб и лиловый, на пол лица, синяк, решили судьбу подполковника – минус одна звезда на погоне и понижение в должности. Сейчас он начальник штаба. Командиром батальона назначен его бывший заместитель.

Уходить из армии не хотелось. До выхода на пенсию оставалось 5 лет выслуги. Специальность инженера-строителя и огромный опыт в организации, как восстановительных работ, так и строительстве объектов, на гражданке нашли бы применение, но Вадим прикипел к армии. Из этих 20 лет службы он успел побывать на восстановлении городов, разрушенных землетрясениями, селевыми потоками, наводнениями. Ликвидировать последствия урагана на Дальнем востоке. Снимал минные поля в зонах де-эскалации на Ближнем Востоке как под флагом своей страны, так и под знамёнами Лиги Содружеств.

Пришлось воевать на африканском континенте, в составе миротворческого контингента, участвовавшего в разведении враждующих племен, до этого на протяжении 5 лет вырезавших друг друга по признакам, которые были только им и ведомы. Для любого другого европейца, американца или азиата, представители племен были все на одно лицо: черные, курчавые, широкими носами и огромным желанием убивать. Убивать иноплеменников, убивать тех, кто мешают их убивать.

Но больше всего Вадим сейчас переживал за жизни бойцов, солдат-срочников, которые смотрели сейчас на него из-под стекол противогозлов, как на Господа Бога и веровали, что он их вытащит, что он точно знает, что, как и кому надо делать.

Итак, что мы имеем: три роты по 48 бойцов. Плюс 54 в техроте. Это 198. Минус 15 – в карауле на складах. Еще минус три в санчасти, четверо в увольнении в городе с ночёвкой. Итого 176 человек. БТР-60ПБ возле КПП и штабной УАЗ.

В минусах еще – офицеров и прапорщиков, кроме него – ноль. Негативные факторы: отсутствие информации о происходящем, отсутствие связи. 40% личного состава не отслужили и полугодом.

– Товарищ майор, туман рассеивается, практически весь ушёл, – крикнул дневальный.

– Понятно.

– Только что звонили с наблюдательного поста на крыше, просят подняться наверх.

Проходя мимо оружейной комнаты, которую охраняли сержант и два бойца, вооруженные автоматами.

– Сколько бронежилетов находится в оружейной комнате?

– 26 бронежилетов.

– Сержант Хомячок, выдать личному составу броники. Давай, довооружи всех на первом этаже штатным оружием и всех соберёшь вместе, кроме тех, кто охраняет вход. Проконтролируй, чтобы магазины к автоматам не цеплялись, а то перестреляют друг друга от неопытности и с перепуга.

– Есть, понял.

Хомячок служил в полтора года. Сержант, на котором зачастую, в отсутствии офицеров и прапорщиков, держалась дисциплина. После срочной ему предложили остаться сверхсрочником.

Перепрыгивая через ступеньку, поднялся на крышу.

– Фигня какая-то, товарищ майор. Смотрите, туман ушёл, а небо другое, не наше небо! – боец у выхода на лестницу показал на три светивших с небосвода, там, где раньше был восток, луны. Ещё две, почти одинакового размера луны, висели прямо над головой. И всё это на фоне нескольких туманностей, состоявших в то ли из газов, то ли миллиардов далёких звёзд

– И вокруг части ничего нет, товарищ майор, за парком, который мы сажали, не видно казарм стройбата, только лес большой, а там, где располагался медсанбат – пшеничное поле.

Посмотрев в стороны, которые указывал боец, Язык побежал к противоположной стороне крыши казармы. Складов техники и ГСМ, которые охранялись караулом, не было. На их месте находились какие-то непонятные коровники или свинарники, то есть здания, явно сельскохозяйственного назначения.

– Ну, что, Вадим Петрович, – сказал сам себе Язык – оправдываться ты будешь не перед проверяющими, а перед собой и выкручиваться тебе придётся самому, помощи не будет. Какая-то это, очень даже хреновая, виртуальная реальность

– Сержант, я в штаб. Докладывать немедленно, если заметите какое-либо движение в сторону части, либо возле нее. И это, противогазы можете снять.

Глава 7.

ЖБК.

03.40

Посмотрев в след уходящему к КПП замдиректору, Григорий Федоров решил связаться по рации с крановщицей Орловой Марией, с которой они проживали на одной площадке и дружили семьями. Вернее, теперь он дружил с их семьей. Его бывшая половинка три месяца назад объявила ему, что жить в такой дыре не намерена, перспектив на изменения в жизни с Григорием она не видит и собрав свои вещи, вернулась к родителям. Через пару дней общие знакомые поведали, что видели ее разъезжавшую с каким-то челом на красной АУДИ. Гриша был готов к такому развитию событий. Страсть, возникшая между ними, была яркой и мгновенной, как вспышка магния в ночи. Он молодой дембель, вернувшийся из армии, она молодая выпускница школы, которая считала, что весь мир теперь у ее ног, а впереди только прекрасные, радужные перспективы. С момента знакомства до свадьбы пролетело чуть больше месяца.

Потом начались семейные будни. Ему надо стать добытчиком, ей хранительницей домашнего очага.

Григорий пошел по специальности. Служил в стройбате, до армии окончил строительное ПТУ. За полгода хорошо зарекомендовал себя и у руководства, и у простых работяг бригады. Выдвинули на мастера. Вроде получалось, но должность и работа отнимали время у молодой семьи. Супруга заявила, что сидеть дома скучно и непрактично, что ей тоже надо зарабатывать. Так как специальности не было попробовала себя в торговле, но быстро поняла, что это не ее, пошла официанткой в ресторан «Мафизо», который открыли в центре города «дети гор» из солнечной Армении.

Рассказав жене о городских слухах про то, что при трудоустройстве место кандидатши зависит от умений в оральном сексе, Григорий выслушал длинную лекцию о завистливости местных жителей к не местным предприимчивым людям, слухи назвала бредом и почти загасила искры подозрений к ее поздним задержкам с работы. Потом был тот самый разговор, расставивший все точки.

Соседи Орловы утешали. Муж Маши – тоже Григорий, говорил, что женщины как троллейбус – одна ушла, другая придёт. Правда говорил он это только когда Маши не было рядом. Они даже познакомили его со своими одинокими подругами, но с ними, дальше легких интрижек, дело не пошло.

Достав рацию, он настроился на волну бригады, которая занималась разгрузкой цемента.
– Маша, это Григорий. Как ты там? Что сверху видно?

Ответа не последовало. Подойдя ближе к крану, он посмотрел наверх. Маша находилась в кабине и пыталась вылезти через приоткрытое переднее стекло.

Вероятно, что дверь заклинила, подумал Григорий.

– Маша, посиди. Я поднимусь, помогу.

В этот момент справа подошли два его рабочих. Оба, утробно заурчав, попытались схватить его за одежду. Атака была неожиданной, но Григорий, развернувшись на одних каблуках, пропустил оба тела мимо себя. Те, не ожидая такой резвости, «провалились» и растянулись на асфальте двора. Отойдя от них на пару шагов Григорий мельком глянул на кран. Маша вылезла из кабины до пояса. Широкие, похожие на обводы гитары бедра, на дали ей возможности, быстро покинуть кабину.

Рабочие уже поднялись и вновь двинулись к нему. А вот глазки их Грише не понравились. Чёрные, не мигающие, они смотрели на него, не отрываясь.

– Эй, мужики, по легче. Вы чего? – проговорил Григорий, постепенно отходя назад. Драться он умел и не боялся этого. Не хотелось бить этих двоих без причины. Но у них, по-

видимому, эти самые причины были и чем быстрее Григорий отходил от них спиной вперед, тем быстрее они шли за ним, все так же вытянув вперед руки с растопыренными пальцами.

Время уговоров прошло. Да и шутки вроде закончились. С этой мыслью Григорий шагнул влево вперед и нанес, провернув тело вдоль оси, удар локтем правой руки в лицо рабочего, который был к нему ближе всего. Голова у того запрокинулась и он, не издав ни звука, рухнул на бок. Слетевшая с головы оранжевая каска, с сухим стуком, отлетела в сторону. Не ожидая пока он поднимется, Федоров кулаком левой руки нанес удар в челюсть второму рабочему.

Два удара – два в горизонтальном положении. В армии обычно это охлаждало нападавших было чучмеков. Драться его учил старшина роты Губанов, предварительно, показательно отметелив его. Вначале, когда Григорий, решив показать характер, «буранул» на старшину в присутствии группы дедов, он самолично пробил «двойку» в корпус и голову с поразительной скоростью из положения «я в полном расслабоне и безмятежности». В себя он пришел в ротном умывальнике, где ему на лицо лилась вода из крана.

Второй раз, когда он попал в наряд на кухню один славянин среди 12 земляков из Средней Азии, которые тут же возложили все самые трудоемкие обязанности на Григория. Тогда Григорий успел вырубить одного из них, после чего толпой его завалили на кафельный пол варочного зала и начали пинать ногами. Вошедший в столовую старшина одним окриком прекратил избиение. Выслушав со стороны «земляков» от начальника наряда их версию произошедшего, одним ударом под дых сложил Григория в позу эмбриона в утробе матери. После чего объяснил корчившемуся на полу, что в армии нельзя «забывать» на команды старшего по званию, пусть он и только ефрейтор, а тем более поднимать на него руку. При свидетелях.

После короткого монолога Губанов быстро и качественно вырубил шесть из двенадцати. Остальные скрылись в недрах столовой, а старшина посчитал не достойным тратить свое драгоценное время на их преследование и поиски. Оставшимся лежать он подробно объяснил, что впредь очень настоятельно не рекомендует всем отлынивать от своих обязанностей в наряде и очень советует не трогать Его земляка, о чем предложил ознакомить всех не присутствующих на этой лекции бойцов их «землячества». Для закрепления навыка старшина снял Григория с наряда без замены, дабы земляки могли самостоятельно выполнять его обязанности, честно разделив их между собой. Ну или нечестно.

С этого дня Губанов гонял Григория лично. По физо, по уставам, по матчасти. И спрашивал с него строже. «Трахнуть землю, что на родине побывать!», – говорил он. А ни чего, что между домами «земель» полторы тысячи километров? Как выяснилось, для старшины все земляне – земляки. «Ну, ты же не с Альфы Центавра приперся сюда служить?»

Трижды в неделю Губанов ходил в гарнизонный Дом офицеров, где два часа учил боксу пацанов-школьников из военного городка. Григорий ходил с ним как спарринг-партнер и манекен-пособие для наглядного примера на тренировке.

А после тренировки, когда пацаны разбегались по домам, Губанов учил уже Федорова. Не боксу. Рукопашному бою. А правильнее – правильному ведению боя. «Выиграешь бой, когда сможешь до его начала понять – когда его начать, с кого начать и в какой последовательности выбивать противников». «Драка – это когда ты бьешь и тебя бьют. Не учишь драться, учишь бить. В идеале, когда один удар минус противник. Не добивай ударенного, минусуй дальше, потом подчистишь, если надо». «Лучшая победа – когда противники просто уходят, оставив поле за тобой. Пусть что-то говорят, кричат, угрожают, но уходят. Потому, что уже признали твою силу. А признали раз, признают и еще. А там и власть признают».

Короче, готовил Губанов себе замену, как обещал командиру роты. Отслужив два года срочной и два года сверхсрочником, он получил предложение перейти на контракт в какую-то «спецуху». Вот и готовил Григория.

Старшиной роты Григорий пробыл восемь месяцев. Их строительную часть расформировали. Последние полтора месяца до дембеля он дослуживал в железнодорожных войсках.

Вот и сейчас, впервые после службы, Григорию пригодилась губановская наука. Два удара – два в минусе. Правда, как выяснилось, не на долго. Оба рабочих, недовольно урча, поднялись и вновь направились к нему.

– Мужики! Да что случилось? Что я вам сделал?

«По ходу – надо сделать ноги», – решил Григорий, рванув к админкорпусу. Забежав, он шваброй заблокировал входную дверь. Через минуту в дверь начали стучать и скрести. И ни слова мата, угроз. Только урчание. Поднявшись на второй этаж, Григорий пробежал в крыло коридора, которое выходило на проходную. Он не слышал звука отъезжающего мотоцикла и хотел крикнуть Бурмичу о сбесившихся рабочих. Открыв оконную раму и набрав уже воздуха, что б крикнуть Григорий передумал. Возле старенького МТ, на хорошо освещаемом галогеновым прожектором пятаке, десяток рабочих зубами рвали самого уважаемого и рабочими, и руководством заместителя директора. Кровь растекалась из-под его плаща. Кровью были перемазаны лица и одежда пирующих. Они отталкивали друг друга, чтобы добраться за очередным куском плоти. Двое вырывали друг у друга уже хорошо погрызенную и оторванную от тела ногу.

Григорий присел за подоконник.

– Да что ж это твориться? Точно какая-то химия разлилась. Угробят тварюки планету.

Федоров не конкретизировал, кто именно ее угробит: или ученые, или военные, возможно военные ученые, но то что угробят, ему было уже ясно.

В голове промелькнул сюжет американского фильма-ужастика из 90-х, когда военные потеряли контейнер с какой-то заразой, в результате чего ожили все мертвецы на кладбище и очень быстренько похавали живущих. Один из удачно вырвавшихся героев, прорвался к этому контейнеру и позвонил на указанный на нем телефонный номер. В министерство обороны. Военные в очередной раз спасли мир, шарахнув ядерной бомбой по городку. Нету тела – нету дела. Нет контейнера – нет халатности.

Подумав об этом, Григорий решил, что бежать от этого места надо подальше. И быстрее.

За окном послышался шум приближающегося автомобиля, а на стенах коридора появились синие отблески проблескового маячка.

Осторожно выглянув из-под подоконника, Григорий увидел подъезжающий со стороны появившегося леса УАЗ-буханку с включенным маячком.

А вот и кавалерия в лице ментов. Машина остановилась, когда куча копошащихся возле КПП тел попала в лучи фар. Но по мнению Федорова с такого расстояния и ракурса приехавшие не могли оценить всего ужаса происходящего.

– Внимание! Всем встать возле стены здания.

Зомбаки отреагировали на голос одновременно и одинаково. Они прекратили есть и повернули головы на источник шума. И как по команде направились к автомобилю. Возле тела Бурмича остался только один. Вероятно, его отталкивали от общего стола, и он предпочел доедать, а не идти за вторым блюдом. Со стороны автомобиля раздались крики, а через несколько минут ударила длинная автоматная очередь, патронов на двадцать.

Через ворота проходной, в сторону стрельбы, прошло еще с полдюжины человек. А может и не человек уже. То, что там стреляют и это само по себе уже опасно, их не смущало и не останавливало.

От автомобиля стали раздаваться одиночные выстрелы. Очевидно, что стреляли уже из пистолетов.

Надо бы ментам помочь, подумал Федоров. Но две, как минимум проблемы. Первая – как? Вторая – как бы приехавшие, в горячке боя, не пристрелили и его.

Вооружиться на комбинате было не чем. Все что он смог придумать, это топор и багор на противопожарном щите справа от входа в админкорпус.

«Вторую проблему будем решать по ходу дела», – решил мастер и побежал к выходу. В оставшемся открытым окне от автомобиля продолжали раздаваться крики и выстрелы.

Выдернув из ручек входной двери швабру, Григорий прислушался и осторожно приоткрыл дверь. Никого. Напавшие на него, вероятнее всего, также пошли на звуки стрельбы. Пробежав к пожарному щиту, первым делом снял топор и прислонив его к стене, начал снимать багор. Им можно попробовать, держать нападавших на расстоянии, при помощи острия, а крюком можно валить их, зацепив за одежду.

В этот момент Григорий вспомнил о соседке и посмотрел на кран. Маша распластавшись на площадке кабины тянула к нему сквозь прутья ограждения руки. Явно не с просьбой о помощи. «Вот и нет у меня теперь соседки», – подумал Гриша и, пригибаясь за декоративными кустами, растущими вдоль здания администрации, начал пробираться к проходной.

– Эй! Не стреляйте! Я не зараженный, – крикнул Григорий, аккуратно выплянув из-за приоткрытой створки ворот.

– Ты кто? Назовись, – потребовал голос из темноты.

– Мастер участка Федоров. Они на меня тоже нападали. Я спрятался. А Василия вот Петровича, почти доели.

В этот момент кто-то, метнувшись к нему из темноты, сбил с ног. Багор и топор отлетели в сторону. Пальцы неизвестного вцепились ему в спецовку на груди. Григорий успел подставить левое предплечье и уперев его в горло нападавшему, не дал вцепиться зубами в лицо. Кулаком правой руки он нанес несколько ударов по ребрам нападавшему, но это никак не помогло, хватка не ослабевала, желание укунить так же не испарилось. Пришлось применить неблагородный, но надежный прием. Продолжая отталкивать предплечьем горло зомбака, повернув свой локоть вперед, он развернул лицо нападавшего в сторону своей правой руки и с силой воткнул два пальца в глаза. Хватка сразу ослабла, урчание приобрело другой тембр. Григорий перехватил своей правой рукой правую руку нападавшего и дернул ее, одновременно переворачиваясь на правый бок и сбрасывая придавившее его тело в сторону. Сразу после этого он отскочил к забору, где выронил свое примитивное вооружение, и схватив топор, с размаха нанес удар по голове зомби.

Глава 8.

Лагерь.

04.00

Римма вошла в комнату и сразу напилась воды из графина на столе. От увиденного и пережитого голова шла кругом. «А может я тоже превращаюсь? – подумала она, – голова болит, пить хочу», – вспомнила она слова ребят о самочувствии, превратившихся в зомби перед этим детей.

Отбросив эти мысли, она стала перебирать свои вещи. Отложила бежевый спортивный костюм, бейсболку и две светлых футболки с логотипами лагеря, которые всем сотрудникам выдали в областном комитете перед отправкой, желтый свитер. За тем решила поменять нижнее белье. Когда меняла лифчик, услышала сзади: – Какая умница, уже и приготовилась!

Повернуться она не успела. Руки Талина крепко обхватили ее сзади, а ладони сжали груди. – И даже не дергайся. У меня столько адреналина сегодня выработалось, что нормально уже думать не могу.

Резко присев, Иван одним движением руки спустил с нее брюки и трусики, а потом слегка подтолкнув, наклонил к подоконнику.

– Думаю, что справлюсь быстро, – сказал он и резко вошел в нее, крепко держа ладонями ее бедра. Было больно, вот так быстро, неожиданно, без желания. Мысли пронеслись в ее голове: об обиде и злости на Ивана, и о том, что он, фактически, сейчас самый главный по статусу и по силе, и о том, что к сексу рано или поздно все и сошло.

Кончил он действительно очень быстро.

– А ты умница, – Талин подтянул с кровати подушку и вытер ей спину и ягодицы, – по возможности, продолжим. Это так, для разгрузки. Я ж говорил, что ты очень мне нравишься. Одевайся. Вон ребетня уже подтягивается. И уже, наконец-то, светает.

Римма вышла на улицу, когда там полным ходом шел инструктаж.

– Нас мало, и мы ничего не знаем о том, что произошло. Не понятно где мы и какие опасности нас ждут. С запасами еды тут нормально, но что творится вокруг, знать необходимо. Поэтому, формируем две группы по три человека, по два мальчика и одной девочке. Выдвигаетесь по дороге из лагеря до развилки и там расходитесь. Расстояние, которое надо разведать, час ходьбы. За тем, возвращаетесь назад. Итого, на разведку вам по два часа. Если увидите зомби, то не попадайтесь им на глаза, только наблюдайте. Если встретите нормальных людей, скажите, что туристы и заблудились, расспросите, что за местность, где есть населенные пункты, но о лагере не говорите, разные люди бывают.

Талин сформировал две группы: Швед, Олег, Альбина и Жмот, Костян, Инна. – Отправляйтесь сразу, старшие Жмот и Швед. Да, и возьмите что-то тяжелое для оружия.

Швед тут же побежал на кухню и вернулся с парой больших ножей и топором, для разделки мясных туш. Один нож отдал Жмоту, второй Олегу. Шесть детей пошли к воротам лагеря.

– Так, остальные, наводим порядок в лагере. Всех покойников мы не перетащим, да и хоронить их тут негде. А по сему, перебираемся все в столовую. Там и трупов нет, и еда рядом, и стены капитальные, по крепче будут. – Римма, ты бери девчат и давайте постельное в столовую перетаскивайте. Матрасы, одеяла, подушки на всех.

– Рыжий, сюда иди.

Парень подошел. – Найдешь бумагу, ручку и на кухне перепишешь, сколько и чего есть из еды.

– А зачем и чо я?

– Рыжий, не зли меня, – Иван скорчил злую гримасу, – я говорю и все делают. – Остальные парни, разбежались по лагерю и тащим все, что может быть оружием. Побежали.

Распределив всех по работам, Иван Васильевич оставил для себя самую грязную – убрать с двора трупы, ибо скоро летняя жара и мухи начнут свое черное дело, и от вони некуда будет деться. Трупы решил перетащить в спальный корпус мальчиков, он и больше, и дальше от столовой, и ступеней на входе всего две, а не как в девичьем, пять. Первой, взяв труп за ноги, оттащил повариху. «Начнем с самой тяжелой, остальные по-легче будут», – решил Иван.

Через два с лишним часа вернулась группа Шведа.

– Ну, рассказывай, Швед.

– Мы от развилки пошли направо. Как отошли, странность такая, дорога шла грунтовая, а потом как ножом прочертили. Пошел асфальт, плохой, с ямами, но асфальт. А еще на этой границе поля разные. Там, где грунтовка – просто поле травой поросшее, а где асфальтовая дорога – с обеих сторон пшеница какая-то. По асфальту минут тридцать шли и опять граница поперек дороги. Сама дорога с хорошим покрытием, новым, по две полосы в каждую сторону. А на полях кукуруза и подсолнух по разным сторонам. Так дошли до перекрестка с большой автострадой, а там автозаправка. На площадке Жигуль старый, а вокруг костей много, одежда порванная, кровищи много. Нормальных никого, а внутри, за стеклом видели, три зомби бродили в униформе заправщиков. Нас как увидели, давай руками в стекла тарабанить. Ну, мы и свалили оттуда, а то вдруг разобьют. Олег с пожарного щита топор прихватить хотел, но он галимый, ручка болтается. Я в багажнике Жигуля молоток прихватил.

– Молодец, пригодится. А открыл как?

– Ключи в замке зажигания были. Больше ни чего интересного. Время, которое Вы определили, заканчивалось, вот и решили вернуться.

– Что-то второй группы нет, уже скоро три часа как вышли, – озабоченно проговорил Иван Васильевич. – Давайте к столовой двигайте, там уже вроде как поесть состряпали, и позовите ко мне Рыжего и Клепу, – он уже начал запоминать прозвища ребят.

Когда парни подбежали, спросил: – Все окна заколотили? Он поручил этим двоим, обить пленкой окна столовой, где планировали спать.

– Ага, почти закончили, – ответил Клепа. Рыжий, как всегда, отмалчивался и слушал, подбрасывая в руке молоток.

– Пойдем, прогуляемся. Надо троицу Жмота поискать, может заблудились. Клепа, принеси Спасателя, вон, возле душевой стоит. Догоняй нас, – и махнув Рыжему, направился к воротам лагеря.

Они успели отойти от развилки примерно с пол километра, когда глазастый Клепа, увидел бегущую по полю девчонку. Он тут же начал подпрыгивать, размахивая руками и громко крикнул: «Сюда!», за что тут же получил от воспитателя оплеуху, – А ну, тихо. Она нас и так уже видит. На твой визг кто угодно припрется.

– А она и увидела, когда я крикнул, а то мчалась по кочкам к лесу, – обиженным голосом, потирая ушибленное ухо, пробормотал Клепа.

Вид у подходившей Инны был жуткий. Волосы были мокрыми и растрепанными, таким же мокрым и грязным был, когда-то синий спортивный костюм, одна штанина была разорвана от самого пояса и развевалась как юбка. И одежда, и волосы были в болотной ряске.

Подбегая, сильно запыхавшаяся девочка, сорвалась на рев, тут же упав на траву и обхватив лицо ладонями. Талин и парни присели вокруг нее на корточки. – Инна, смотри на меня. Где остальные? – спросил вожатый.

– Убило их, – рыдая проговорила девочка, – монстр какой-то жуткий и уродливый напал на нас. Там, – она махнула в сторону, куда уходила дорога.

Иван встал и осмотрел окрестности. – Так, ребята, возвращаемся назад. И постоянно осматриваемся. Быстро уходим.

Вернувшись в лагерь, еще не начав расспрашивать Инну, Талин собрал всех в столовой. – Внимание! С этой минуты все ведем себя очень тихо. И организовываем наблюдение. Сразу сейчас два человека идут к воротам, закроют их на засов и будут наблюдать. Швед, давай ты и еще возьми кого-нибудь. Ты парень ответственный. Если кого увидите, сам останешься наблюдать, а напарника бегом ко мне.

Швед, призывно махнув Олегу, с которым ходили на разведку местности, пошел к воротам.

– Римма, одну девочку поставь в столовой, что бы смотрела на тыльную сторону двора, – Талин махнул рукой, показывая, чтобы все отошли.

– Инна, давай, расскажи, все как было. С самого начала, – он усадил девочку на скамейку и сел рядом. Рыжий и Клепа остались с ними, и Иван не стал возражать, пусть слушают, и другим перескажут.

– Мы пошли от поворота влево. Когда дошли до изгиба дороги, за полем увидели мужика на лодке и побежали к нему. Костя стал кричать ему с обрыва, что мы заблудились и ищем дорогу, ну, как Вы учили, а мужик этот только быстрее плыть от нас начал. А потом кричать стал, что бы мы убегали и прыгали в воду. А мы не поняли. И тут монстр этот выскочил из низины, видно мужик его видел, а мы нет. А на крик наш монстр и вернулся. Он сразу на Костю прыгнул и с ног сбил. У Кости сразу кровь из уха потекла, и из глаза, кажется, тоже.

Девочка опять начала плакать. К ним подошла Римма и протянула Инне кружку с водой. – На, попей, – и обращаясь к Талину, сказала, – я двоих поставила смотреть из разных окон.

Талин потрусив Инну за плечо, попросил продолжать.

– А меня Жмот сильно толкнул в воду с обрыва. Я в воду упала, там по пояс было, камыши и тина всякая. А когда на берег посмотрела, они уже оба не живые были, а тварь эта ко мне бежала. Я испугалась и глубже зашла, а там дна не достать, меня течение отнесло в сторону. Тварь в воду не полезла, прошла вдоль берега метров двадцать и к ребятам вернулась. Я, пока плыла, видела, как она Костю жрать начала.

– Как тварь эта выглядела?

– Большой, как Вы ростом. И лохматый. Глаза аж черные, злые. Одежда вся в грязи и крови была, еще как подбегал к нам, только куртка. А штанов я на нем не видела, голый он снизу был.

– Плохо, – мотнул головой Иван, – Римма, дай ей что-нибудь успокоительное из аптечки, и мне таблетку от головы тоже, а то что-то виски болят.

Увидев, что после этих слов ребята настороженно переглянулись, с улыбкой добавил: – Вот зомби как стану, ох, и намучаетесь вы все от меня убегать! А я большой и очень прожорливый! – и хохотнув пошел в сторону кухни.

Глава 9.

ЖБК. Странности географии.

04.50

– Зачетный удар. Прямо как палач в средневековье.

В проеме ворот стояли два человека в форме. Ее цвет никак не ассоциировался с военными, но и на милицейскую форму тоже похоже не был. В руках обоих были пистолеты, причем оба направленные на него.

– Такого палача выгнали бы после первой казни. Там ценилось мастерство отсечения башки, а не ее раздробления.

Федоров сразу как-то обессилел, ноги и руки стали ватными. Он присел на корточки и привалился спиной к бетонному забору. Глянув на торчащий в голове зомбака красный топор и растекающуюся вокруг головы кровь, не сдержал позыв и вырвал.

– Первый раз такое.

– Угу. Как-то не принято у нас подчиненных по голове топорами херячить. Зосимов это. Сварщик пятого разряда. Напросился сам на подработку сегодня. Жене на операцию собирает. Всем комбинатом скидывались на первую. Что-то с позвоночником у нее. А вы кто такие, ребята? Форма странная.

– А почему странная? Давно уже такую ввели, – удивился один из приехавших. – Мы из Новозыбковского отдела полиции. Опергруппа. С выезда возвращались, из Шоломова. Решил вон, сержант, срезать через лес дорогу, чтобы быстрее на трассу выскочить. В лесу в туман влетели, заблудились.

– Сильно заблудились! – удивился Федоров. – Это ж уже, считай, окраина Обнинска. Калужская область. А ваше Новозыбково где?

– Брянская. Рядом с Беларусью.

– Хороший крюк срезали. Вашего сержанта фамилия не Сусанин случайно? – Григорий начал подниматься. – Километров пятьсот – шестьсот срезали.

Лейтенант, судя по двум звездочкам на погонах, повернулся к сержанту. – Ну, что, срезали? Успеешь свой футбол посмотреть?

И повернувшись к Федорову, уточнил: – Связь есть какая-нибудь? А то у нас мобильные не работают.

– Нет связи. Вот замдиректора на мотоцикле хотел в город проскочить, чтоб обстановку выяснить и директору доложить, но не успел.

– Романов, подгоняй УАЗа к воротам. Тут хоть освещение есть, – обратился лейтенант к сержанту и тот, поправив на плече автомат, пошел в темноту. – Лейтенант полиции Лашин, инспектор. Мы в село на семейный скандал выехали. Мелочевка, разобрались быстро, но мужика прихватили с собой, уж больно сильно он буянил на улице. И жену избил, и соседей грозил порубать. А на самого смотреть без жалости нельзя. Как говорят: «соплей перешибить можно». Водка она такая – и задохлика на подвиги окрыляет, – улыбнулся Лашин.

– Полиция? Странно как-то. А у нас милиция, – Григорий недоверчиво посмотрел на форменные нашивки лейтенанта. – И давно полиция на Брянщине?

– Так лет двадцать!

Объезжая трупы, во двор въехал УАЗ.

– Там в «стакане» задержанный буянит, – открыв двери, сказал сержант. – Эй, местный, где воды попить тут можно? А то во рту все пересохло. От волнения наверно, нечасто вот так, валить толпу приходится.

Мастер указал рукой: – Там, метров тридцать, кран из земли торчит. Вода нормальная, все пьем. Вернее, пили, – уточнил он.

– Спасибо. А как теперь отписываться придется, вообще ума не приложу, – проходя мимо Федорова, сам себе бормотал Романов.

Дверь салона автомобиля открылась и оттуда появилась голова симпатичной девушки. – А можно я из машины выйду, а то ваш арестованный там так страшно в стенку стучит.

Лицо девушки было испуганным, а размазанные по лицу потеки туши, указывали на то, что в салоне она успела уже порядком нареветься.

– Выходите, Анна, у нас масса новостей и все они не очень хорошие.

Лейтенант подошел к ней и помог выйти из салона. – А ну, тихо там, – крикнул он внутрь автомобиля, откуда раздавались ритмичные удары.

– На свой гомельский поезд Вы, судя по всему, не успеете. Сами видите в какую историю мы тут попали. И все, кто тут находится, являетесь участниками события, так сказать, свидетелями. Но, справку для института о причине опоздания, мы дадим обязательно.

– Глава сельского округа, попросил племянницу до железнодорожной станции подкинуть, – уже для Федорова пояснил Лашин. – Ей в Гомель надо, в институт.

– Лейтенант, – негромко окликнул Федоров. – Не хочу тебя расстраивать, но справка ей не нужна будет. И отписываться за патроны, вам не кому.

Он пальцем показал полицейскому на ночное небо. Подняв глаза, лейтенант долго смотрел в непонятную картину небосвода и чем дольше смотрел, вода головой от одного светила к другому, тем больше в изумлении открывался его рот.

– Твою дивизию! Что ж это за хрень тут происходит? Местность изменилась, люди жрут людей, небо поменялось!

Григорий пожал плечами: – Вы люди служивые, вы и разбирайтесь. Могу сказать только, что во всем виноват туман, так как после него все это и произошло.

– Эй, Романов, давай сюда, – крикнул лейтенант. – Тут еще новости появились.

Романов, шаркающей походкой, появился из тени деревьев, прикрывавших фонари освещения. Не доходя метров пятнадцать до них, с его плеча соскользнул ремень автомата, который с лязгом упал на асфальт, но сержант, не обратив на это никакого внимания, продолжал идти.

– Романов, ты что оружием швыряешься?

Когда сержант вышел в свет лампы КПП Григорию все стало сразу ясно, при чем быстрее, чем лейтенанту. – Быстро от него все назад! Он тоже превратился!

Анна тут же спряталась назад в автомобиль.

Руки Лашина, пока он, пятась спиной к машине, отходил назад, судорожно пытались достать из кобуры пистолет.

Григорий бросился вправо от новообращенного зомби, оббегая его по дуге и направляясь во двор комбината. – Не стреляй пока, – на ходу крикнул он лейтенанту и подбежав к месту своей схватки с Зотовым, схватил оброненный там багор.

Догнав сержанта, он крюком багра зацепив того за плечо и сильно дернув на себя, завалил его на спину. Бросив багор поперек груди Романова, всем весом тела придавил древком к земле. – Помогай, лейтенант!

Лашин приблизился с пистолетом в руке, но по его поведению было видно, что четкого понимания того, что надо делать со своим коллегой, у него нет.

Извиваясь на спине, прижатый багром сержант, все равно пытался дотянуться руками то до Григория, то до лейтенанта, издавая при этом, те же самые утробно урчащие звуки, что и заразившиеся ранее сотрудники комбината.

– Может наручники на него нацепить? – Лашин вопросительно посмотрел на Федорова.

– Попробуй, но только это так же ему поможет, как градусник от повышенной температуры или тонометр от гипертонии, – Григорий не смотрел на полицейского, так как прикладывал все силы для удержания все активной вырвавшегося зомби. – Только смотри, а то укусит и тоже будешь кусаться.

Лейтенант, уже было начавший доставать из чехла наручники, тут же изменил свое намерение и застегнул клапан. – Держи его, а я за топором.

И Лашин побежал во двор. Вернувшись, он крикнул: – Отпускай его, я готов.

Как только древко багра убрали с тела, сержант тут же рывком сел, но лейтенант горизонтальным ударом топора в затылок, тут же его убил.

Усевшись на асфальт в метре от убитого им тела сержанта и не сводя с него глаз, он произнес: – Еще три часа назад я в дежурке с ним вместе чай пили. С пирожками. Жена его напекла, с повидлом яблочным.

– Я еще пол часа назад с Василием Петровичем разговаривал, а его уже минут десять как сожрали, – Федоров встал, отряхнул с брюк пыль и пошел подбирать упавший автомат.

– Как тебя звать, лейтенант?

– Игорь. Игорь Лашин.

– Федоров Григорий, вот и познакомились. Что дальше делать будем? Видишь, мир изменился. Как-то выживать теперь надо.

– Не знаю. Надо все обдумать, а потом уже планы строить. Здесь где можно расположиться?

– Да полно! Весь комбинат в нашем распоряжении. Пошли в кабинет директора, я думаю, что он не против. Девчонку надо забрать и арестованного вашего тоже. Ему, наверно, отлить приспичило, а вы тут войну устроили.

– Он не арестованный. Решили просто в отдел для профилактической беседы отвезти. А там протрезвел бы и утихомирился. Мы его и в «стакан» не имели право сажать. Это для реально арестованных и склонных к побегу. Остальные только в салоне перевозятся. Туда засунули, чтобы сильнее испугался и проникся моментом.

Анна уже вышла из автомобиля: – А он все стучит, но не ругается. Вроде как бормочет что-то.

– А ну-ка, дай я послушаю, что он там бормочет, – отстранив девушку в сторону, лейтенант полез в салон. – А у нас прибавление, – крикнул он. – Через перегородку слышно, как он урчит. Один в один, как и Романов. Открывать будем?

– Пусть пока поурчит. После решим, что с ним делать. Пошли в контору.

Подняв багор и топор, Григорий направился к административному корпусу комбината. Еще совсем недавно он выбежал из него мастером Обнинского комбината железобетонных конструкций, а теперь возвращался назад просто Григорий Федоров, убивший, чем-то заболевшего сварщика Зотова, и помогавший в убийстве сержанта Романова, автомат которого теперь висел у него за спиной.

Проходя мимо водопроводного крана, Григорий напился и обмыл топор от крови.

В кабинет директора они не пошли. Расположились в кабинете заместителя.

– И что мы имеем? – задал всем и никому вопрос лейтенант. – Мы ж, получается, в другом мире как-то оказались, судя по небу и изменению местности.

– И мир этот очень опасен, – добавил Григорий. – А виной всему тот самый кислый туман, в который все мы попадали. Мы на месте, а вы в дороге.

– А может этот туман и есть портал в другой мир? – впервые подала голос девушка.

– Может и портал, но сейчас не это главное, – лейтенант достал из кармана кителя пистолет и положил его на стол. – Это Романова. Главное, думаю, надо понять, почему все стали агрессивными и плотоядными, а мы нет. И не постигнет ли нас такая же участь чуть позже. Григорий, а сколько людей было на работе?

Федоров задумался. – Тридцать восемь. Это рабочие и охрана по табелю. Вечером составлял. Плюс я и замдиректора. Всего сорок.

– Вот и смотри, из сорока человек, ты один только не заболел. Пока. Значит что-то такое в тебе есть. Может меньше надыхался туманом?

– Да нет. Я ж вместе с рабочими все время был. Пару раз в контору заходил. И не я один, еще ж заместитель директора был нормальным, ну тот, которого возле проходной сожрали. А вас вон двое из четырех не заразились. Процент вообще большой. Это от каких-то особенностей организма. Может от прививок детских или уколов с таблетками, если лечились от чего раньше.

– Мальчики, а что дальше делать? Как жить? Что с другими людьми? Как домой попасть? – на глазах Ани опять появились слезы.

– Вот Аннушка нам план действий и озвучила! – улыбнулся Лашин. – Что надо для жизни? Еда! Значит будем искать пищу. Что с другими людьми? Неясно. Значит будем искать других людей. Нормальных. И по ходу решения этих вопросов, будем выяснять возможность возврата домой.

– Игорь, а какое число у тебя было, когда в туман попали.

– Двадцатое мая. Это я на сутки заступил, а из села мы после полуночи возвращались, значит двадцать первое.

– А год?

– 2020.

– А у нас тут, десятое июня уже, но 2016 года. Интересно получается.

– То есть, нас из 2020 года закинуло в прошлое?

– Или нас в будущее. В книгах фантастических я читал, как людей «закидывало», но вот так, чтоб целый комбинат с массой зданий, кранами, машинами.

– Значит, это мы на машине в портал влетели! Эх, Романов, Романов. Срезал он, блин, дорогу, любитель футбола.

– А что с людьми становится? – вновь подала голос Анна.

– Сударыня, а Вы на кого у себя там в Гомеле учитесь? – повернулся к ней Григорий. – Вы так редко говорите, но все время правильные и своевременные вопросы поднимаете?

– В Минском торгово-экономическом университете, банковское дело. А в Гомеле филиал для заочного обучения. Сессия у меня начинается.

– Жаль. Нам бы сейчас биолога в помощь. Или астронома, хотя бы, чтобы с небесными светилами разобраться. Банкиры в звездах чуть меньше понимают.

– Я знаю Большую Медведицу и созвездие Кассиопеи, – девушка опустила голову.

– Это все знают, я девушкам на свиданиях всегда их показывал, – засмеялся лейтенант. – Но на небе их нет, это точно.

– Заболевшие перестают говорить и урчат, – начал обсуждение Григорий. – Глаза меняются. Становятся черными. И боли они или не чувствуют, или более низкий болевой порог у них.

– Страх у них пропадает. Мы их валим из двух стволов, а они прут ничего не боясь, обходя трупы, – продолжил полицейский.

– Кстати, вы как стрельбу подняли, все со двора к вам и пошли. Вероятно, они на такой шум реагируют.

– Ага, где шумят и стреляют, там есть еда. Все просто. Съесть можно и стреляющего, и того, кого стреляющий успеет свалить.

– Значит, если будем от сюда выбираться, то без машины. Ее далеко слышно.

– Что значит «если»? От сюда надо выбираться! Еды тут нет. О других выживших мы, сидя на месте, ничего не выясним. Надо по утрам выходить от сюда.

– Согласен, – кивнул Григорий. – По утрам можно с крана осмотреться и выбрать перспективное направление движения. Только там Машка Орлова, крановщица, покусать может.

– Ну, с Машей как-нибудь договоримся. Давайте чуток отдохнем, а как начнет расцветать, будем выдвигаться, – Лашин расстегнул форменную куртку. – Гриш, на вот тебе еще пистолет

мой, там три патрона осталось, а я себе Романова оставлю, в нем полная обойма. Сколько в автомате осталось патронов?

– Три. Один в стволе, два в рожке. А за чем пистолет менять? Давай магазинами обменяемся и все.

– Согласен. Кто дежурить первым будет?

– Мне все равно.

– Тогда я первый на посту, а через час – полтора тебя подниму. Ну, а там и рассвет, надеюсь, скоро.

Ане мужчины выделили удобное кожаное кресло хозяина кабинета, на котором она расположилась, максимально откинув назад спинку. Григорий расположился возле дальней стены, на полу, предварительно бросив туда пальто и плащ, которые нашел в шкафу.

А Игорь сел на стул возле окна, но потом перебрался на широкий подоконник и обхватив руками согнутые колени, уставился в окно, осматривая, то территорию двора, то поглядывая на необычное небо.

Глава 10.

Табор. Сельская перезагрузка.

05.10

Сегодня загружалось село Аркушино. Тридцать пять домов, магазин, контора местного сельхозпредприятия и часть его гаража. Примерно сто сорок человек.

В Таборе уже были выходцы из Аркушино, Кисет и Попрошайка, но привлекать их к обработке населения было нельзя, даже вредно, ибо они, мягко говоря, не только не пользовались авторитетом односельчан, но и имели у них крайне негативную характеристику. Сельские алкаши и мелкие воришки. Хоть их Стикс и перековал в прилежных работяг и надежных товарищей, но об этом знали только таборяне.

Туман рассеялся к пяти утра. Очумевшие от энергетического шторма переноса, ревели в сараях коровы. Спустя некоторое время начали горланить и петухи, то ли будя округу, то ли проверяя, после встряски перехода, свои голоса.

В село пошли Матрос, здоровый мужик под два метра ростом, Герыч, Неля и сам Ахрип, хотя в это село ходить он не любил. Еще была группа поддержки, которая по отработанному плану, должна была находиться в стороне от общего собрания и подстраховывать товарищей.

В полшестого группа была на месте и расположилась на скамейке возле конторы.

– Дед Ахрип, ты объявление сделал? – спросил Матрос.

– Угу. Уже и повторил несколько раз, – щурясь на всходящее светило проговорил Ахрип. Среди его даров был один, который они иногда использовали. Некоторые звали этот дар «чревовещатель», кто-то «диктор», сам Ахрип назвал его с иронией – «сельская радиоточка». Этим даром он мог, не сходя с места, переносить свой голос в разные части села, причем там, где он находился фактически, голосом мог ничего не произносить.

Вот и сегодня он, голосом диктора областного радио, объявил о срочном сборе всех жителей Аркушино, возле конторы.

К шести утра на площади стали появляться первые жители, которые кучковались в стороне от чужаков, бросая на них настороженные взгляды. В шесть десять на «Ниве» подъехали местный председатель сельского совета и глава КСП «Рассвет», как значилось на вывеске конторы.

– Кто вы такие и что за представление тут устроили? – руководитель местного Совета, Олег Максимович Рыбачко, как им было уже неоднократно известно, сразу попытался задавить авторитетом чужаков.

А чужаки молчали и ждали реакции второго руководителя, так как знали, кто реально руководит в этом селе.

Андрей Андреевич Чумаков, бессменный председатель, сначала совхоза «Рассвет», а после всеобщего дербана страны и «прихватизации», глава одноименного коллективного сельхозпредприятия.

– Попридержи коней, Максимыч, – Чумаков сам придержал товарища за руку, – люди, вроде, серьезные, сейчас сами все расскажут.

Он пристально посмотрел на каждого из пришедших таборян и вернувшись взглядом к Ахрипу, предложил: – Отойдем?

– Отойдем, – кивнул тот в ответ.

Они отошли к торцу здания конторы, откуда открывался хороший вид на реку и раскинувшийся между домов и рекой, заливной луг с густой сочно зелёной травой. Это место всегда на рассвете нравилось Ахрипу.

Он опустился прямо на траву, вытянув ноги в потертых коричневых берцах.

Рядом, сначала на корточки, а потом, спустя несколько секунд, так же как и гость, на задницу, уселся председатель.

– Закурим? – Чумаков протянул отрытую пачку «Космоса».

– Нет, Андреевич, не балуюсь, вредно и опасно, – не отрывая взгляда от реки ответил Ахрип. Он специально затягивал паузу, давая местному самому высказаться. И тот начал.

– Не спалось сегодня. Проснулся около полуночи. И голова болела, и на душе как-то не спокойно. Долго ворочался. Вышел во двор, думал курнуть, и как раз вовремя. Туман этот противный только уходить стал и за горизонт луны уходили. Все три.

Председатель выжидающе посмотрел на Ахрипа, как бы передавая ему эстафету разговора.

– Голова как? Болит? Тошнота или головокружение? – продолжая смотреть вдаль, спросил Ахрип.

– Угу, есть такое. И губы сохнут. Туман?

– И туман тоже, – ответил гость, снимая с пояса армейскую фляжку в чехле, защитного цвета, – на вот, Андреевич, хлебни, попустит. Только пару глотков.

– На гнилых пнях настаивал? – понюхав, поморщил нос Чумаков.

– Неа. На солдатских портянках, – в тон ему, но с улыбкой ответил Ахрип, – пей, говорю ж, что поможет.

Председатель сделал три глотка и вернув флягу выжидательно посмотрел.

– В другом мире твое село, Андрей Андреевич. Это первая новость. Есть еще куча, и все они хуже предшествующей. Я знаю, ты мужик тертый и опытный, а главное духовитый. Удары судьбы умеешь держать.

Посмотрев на председателя и увидев его удивленно вздернувшиеся брови, продолжил. – Перенеслось село в мир, именуемый Стикс. И перенеслось оно далеко не первый раз. И общался я с тобой, вернее с твоими двойниками предыдущими, не раз, и не два. Но вот так, по твоей инициативе, как бы, по душам, впервые.

– Я, вкратце, тебе все обрисую, а ты уж сам решай, кому и что говорить. Договорились?

– Ты мне только сразу скажи, извини, но как зовут тебя ты не сказал, только село перенеслось или большие территории?

– Только село, да и то, я так понимаю, не целиком. А зовут меня в этом мире – Дед Ахрип.

Чумаков облегченно вздохнул. – Хорошо. Это очень даже хорошо, Ахрип. И видя удивленный взгляд, пояснил. – Вчера вечером мы два автобуса с детворой отправили в область. Экскурсии, выставки, концерты всякие к Дню защиты детей организовали. И внучки мои уехали. Мы под такое мероприятие и молодых мамаш с детками послали. Хорошо, – снова выдохнул он.

– И меня ты утешил, председатель. Не люблю я в ваше село ходить после перезагрузки. Уж, больно много деток тут обычно пропадает. А сегодня, слава тебе, Господи, хорошо сложилось.

Глава 11.

База Проекта.

5.25

Мерзкий звук коммуникатора: «Лейтенанту Малоф срочно прибыть на командный пункт, лейтенанту Малоф срочно прибыть на командный пункт, лейтенанту Малоф срочно прибыть на командный пункт». Мерцание красного индикатора в верхней части коммуникатора указывало на особую важность, а персонализация вызова о том, что это не общая тревога.

Ночь для Ирмы прошла плохо. Не выспался. Мозг отреагировал, на переизбыток полученной накануне информации, мучительными сновиденьями.

Быстро вскочив с кровати взбудрил себя псевдодушем – засунув на несколько секунд голову под струю холодной воды в умывальнике. Промокнув коротко стриженные волосы полотенцем, которое бросил на не заправленную постель, быстро оделся и выбежал в коридор.

Изучив схему базы, он уже понимал, где находится командный пункт, но, на всякий случай, уточнил у дежурного правильность маршрута.

5.32

– Долго нежитесь в кроватке, лейтенант.

– Виноват, больше не повторится.

Рядом с Полковником, возле большого стола-карты, стояли еще четверо. Три майора и капитан Касатонов.

Полковник взмахом руки предложил всем подойти ближе к нему.

– Довожу ситуацию. В союзном нам стабе «Игривый» собран груз, две тонны ербия и лантана. Где-то местным подфартило. Обычно они за 2-3 месяца собирают до 400 килограмм. Через час вылет. Задача: доставить на «Игривый» майора Левина – Полковник указал на стоящего слева от него офицера, – и вывезти груз на базу. Майор Чалый, продолжайте.

– Маршрут обычный. Однако имеют место некоторые неординарности. Первое. Научники дали информацию, что сегодня ночью, примерно с 2 до 2.45 южнее Базы, в районе сплошной черноты, отмечены мощные колебания Поля Стикса. По своему характеру они напоминают перезагрузку кластера, но во много раз мощнее. Естественно, пояснений этому явлению пока нет.

Второе. В течении последних трех дней отмечены перемещения неустановленных групп местных боевиков в районах подконтрольных союзникам – майор длинной витой указкой отметил точки на карте. Касатонов на своем планшете отметил те же точки.

– Направленные в данные районы группы из союзных стабов пока результатов не дали, однако общим является направление движения выявленных групп – территория, контролируемая Базой. Выявленные авиаразведкой группы огневого воздействия не проводили. Принимали меры к скрытому рассредоточению на местности. В выявленных группах по две-три легко бронированных машин и от трех до шести легковушек, переделанных под местные условия.

– Достаточно, майор.

Полковник посмотрел на Касатонова. – Капитан, смотрите в оба! Накрути хвост всему экипажу. Внимательно относится ко всякому движению на земле. Идете на «Ланкастере». Готовьтесь к вылету. Майор присоединится к вам перед вылетом. Вы свободны.

Глава 12.

Мент.

05.45

– Кажись приехали.

Водитель, в сердцах, ударил ладонями по рулю, после надцатой попытки запустить двигатель синей «Лады».

За этинадцать раз он передергал все проводки под капотом своего тарантаса, количество метаний от капота в салон к ключу зажигания не поддавалось подсчетам. Не выдержав попыток реанимировать заглохший движок, отдав последнюю энергию прожорливому стартеру, аккумулятор перешел в разряд ненужных в данный момент вещей.

– Сержант, если спешишь, попробуй поймать другую попутку. Я тоже поголосую, может на буксире кто дотащит.

Курсант училища милиции Владимир Мелов, находящийся на преддипломной стажировке в Перовском районном отделе милиции и добиравшийся в отдел попутным транспортом, подхватив папку и фуражку, вылез из машины.

– Да пока мы тут стояли, ни одной машины в обе стороны не было. Рано еще. Я до села дойду, тут с километр осталось, если что, там голосовать буду. Может местные какие с транспортом на глаза попадутся, попрошу тебя дотащить.

Водитель молча махнул рукой и склонился над багажником.

Владимир заканчивал стационар училища, где отучился уже полтора года. Две недели назад он прибыл в Перовский отдел с направлением на прохождение стажировки в должности участкового инспектора милиции. Жилья ему никто никакого не предлагал в этом районе и поэтому планировалось, что жить он будет у родителей в соседнем райцентре, до которого было 25 километров.

На реплику Мелова о наставнике, который был предусмотрен планом стажировки, начальник отдела улыбнулся и вышел из кабинета, позвав курсанта за собой.

Пройдя мимо ржущей с какой-то хохмы дежурной части, они вышли на крыльцо.

– Посмотри по сторонам. Что видишь? – спросил майор.

– Улицу.

– Нееееет! – протяжно с улыбкой проговорил начальник – Это твой участок. И эта улица, и весь этот поселок, и плюс еще 3 небольших села. Участковый ногу сломал. Так что, снимай букву «К» с погон и начинай. Будут вопросы – заходи. Сейчас пошли в дежурку, представлю тебя тем, кто есть на месте.

Так для него и началась стажировка.

До училища он успел два года отработать патрульным. Часто привлекали и в конвои, подменным помощником в дежурную часть, с операми в засады, командировки. Так что «желторотым» курсантом его назвать было нельзя. В коллектив влился сразу. С многими был знаком еще по службе в патруле – этот район, а с ним и райотдел милиции, образовались при отделении от района, где Мелов проживал и работал до учебы.

Сегодня планировались какие-то занятия в РОВД, и начальник предупредил, что бы все были вовремя. Мелову срочно надо было закончить с двумя заявлениями, сроки рассмотрения по которым заканчивались. Поэтому и встал он пораньше и на попутке поехал на службу, чтобы до начала занятий успеть опросить людей по этим материалам.

С папкой в одной руке, фуражкой в другой, он быстрым шагом направился к видневшемуся вдалеке знаку, отмечающему границу населенного пункта. В воздухе практически не оставалось следов кислого тумана, в который они с водителем влетели километров за пять до места остановки.

Село Киянка было не большое, около 100 домов на трех улицах, одна из которых была трассой, соединяющей райцентры.

Дойдя до автобусной остановки, Владимир остановился. До райцентра восемь километров, движения нет. Летнее солнце еще не встало, но светло.

Во дворе, находившемся за остановкой, подвывала собака. В селах это не любят, могут псине трендюлей выписать.

В этом дворе сержант был дважды. Хозяин, Сапрыкин Николай, был дважды судим, оба раза за хулиганство. Горячая кровь, буйный нрав. Хотя в ссорах, которые он и провоцировал, как правило, он и получал больше всего. В одной из таких потасовок ему давно, еще до второй отсидки, сломали ногу. Кости срослись неправильно и ходить он стал своеобразно, за что вначале местные, а за тем и криминальное сословие района, нарекли его Шлепного, а юношеское прозвище Бес, забылось.

Мелов водрузил фуражку на голову и обойдя памятник погибшим на войне односельчанам, зашел во двор. Собака, не обращая на него внимания, натянув максимально цепь, пыталась снять ошейник, все так же подывая.

– Для смелых милиционеров отдельный крематорий уже построили, – сам себе сказал Владимир, понравившуюся в каком-то фильме фразу и стал подниматься по ступенькам крыльца.

Дверь в коридор была приоткрыта. Заглянув в веранду, проверив, что бы за спиной никого не осталось, он открыл дверь в комнату.

На полу головой к входной двери на спине лежала хозяйка дома Анна, сорока восьми лет отроду, которая значилась в протоколах как гражданская жена Шлепного. Судя по одежде, спать она лечь не успела. На лбу, над правой бровью имело место быть аккуратненькое входное отверстие от пули. Под тело Анны растеклась, уже успевшая подсохнуть, большая лужа крови. Брызги крови имелись и на внутренней поверхности входной двери. Пулю Анна схлопотала, как только вошла в комнату и закрыв за собой дверь повернулась во внутрь. Шлепного лежал в противоположном от входа углу, опрокинув стул, на котором сидел в момент смерти. Желтая нейлоновая рубашка была вся в крови, рядом с телом лежал большой кухонный нож.

На столе стояла почти пустая бутылка водки, четыре стакана, тарелка с кусками сала и свежими огурцами, пучком зеленого лука.

Слева от входа открытый люк подвала, скомканная домотканая дорожка.

«Надо бы сваливать отсюда, – мысль набатом била в голове. – Убийца со стволом, на нем как минимум два трупа. Никто тебя трусом не назовет. Надо вызвать подкрепление и опергруппу. Отдельный крематорий».

Перешагнув через труп хозяйки и, глупо прикрывая папкой левую часть груди, Мелов в три шага приблизился к печи, где заметил большую кочергу. Вооружившись ею осторожно заглянул в зал. Никого. В спальне, третьей и последней комнате дома, так же никого не было.

«Надо к Малофеевой бежать, у нее телефон», – успел подумать Мелов.

– Зря ты, мусорок, сюда приперся!

В дверном проеме между кухней и залом стоял незнакомый лет сорока мужчина, одетый в серый костюм, брюки и бежевый плащ, сильно измазанный побелкой. В левой руке, клинком вниз, он держал нож.

«В подвале был. Если б вошел с улицы я бы услышал. И где же пистолет?», подумал участковый.

– Ну почему же зря? Как раз вовремя. Участковый и должен первым прибывать на место происшествия, – не сводя глаз с незнакомца и стараясь придать спокойствия голосу, сказал Мелов.

– Зеленый ты для участкового. И глупый.

– Это утверждение можно оспорить?

Сухость во рту как-то прошла, появился кураж, Владимир ни глядя отбросил на кресло папку и кистью крутанув кочергой, как когда-то резиновой палкой, сделал шаг к незнакомцу.

Не сдвинувшись с места тот резко выбросил вперед правую руку. Глаза сержанта вспыхнули огнем, передавая в мозг весь ужас, который испытали от воздействия смеси красного перца и табака.

Удар ногой в живот, выбил из него воздух. Кочерга со звоном отлетела в сторону и обхватив ладонями пекущие глаза Мелов рухнул на пол.

«Больно. Сейчас добьет ножом. А где пистолет? Как же, сука, больно. Смелый и гордый, но мертвый. Отдельный крематорий».

Второй удар ногой по ребрам слева заглушил боль от первого удара, но никак не избавил от пекущей боли в глаза.

– Оспорил? Зеленый и глупый, – голос звучал совсем рядом с ухом Мелова – и запомни, мусорок, я их не кончал. Зашел, как и ты, не вовремя. Если б я их мочканул, тебе бы лекцию сейчас не читал. Полежи, подумай, созревай.

Новый удар ногой в живот заставил тело рефлекторно свернуться в позу эмбриона. Но удар был не такой сильный, как предыдущие.

Встав на четвереньки, он наощупь, стянул покрывало с дивана, к которому отлетел от удара и стал вытирать лицо. Моргать было жутко больно. Промаргивая с трудом определил, где двери в кухню, рванул туда. Споткнувшись о ноги покойной хозяйки, рухнул на пол, чудом не влетев в открытый лаз подвала. Развернувшись и кое-как осмотревшись, метнулся к плите, возле которой стоял металлический умывальник.

Спасительная струя воды, но такая тонкая, наполнила подставленные под нее ладони. С большим трудом, практически вылив всю воду из умывальника, он промыл глаза. Раздражение оставалось. Опершись руками на края умывальника, Владимир поднял голову. В зеркале умывальника отразилось мокрое лицо тяжело дышавшего человека с красными, сильно воспаленными глазами.

– Веселая стажировка! Как же это я отражать-то буду в отчете. За такую правду по башке получают и начальник отдела, и руководство училища, и даже участковый, не вовремя сломавший ногу.

Вернувшись в зал Мелов подобрал папку, нашел отлетевшую под телевизор фуражку.

«Теперь к соседям, опросить, может видели в какую сторону этот тип направился, а потом к библиотекарше, звонить в отдел» – ни о каком преследовании Владимир не думал. «Созревать, наверно, начинаю».

Глава 13.

Саперный батальон. Перерождение.

06.00

О первых обратившихся в зомби солдатах он узнал от сержанта, который дежурил на крыше казармы. Доклад был сумбурным и истеричным. Поняв, что происходит что-то неординарное, Язык поднимался на крышу, когда его едва не сбил бежавший сверху боец. Увидев майора, он, хватая ртом воздух и явно задыхаясь от волнения, пытался что-то проговорить, но не мог, а только указывал руками в сторону крыши.

Аккуратно выглянув из дверного проема, Вадим увидел сцену, вполне приличную для обычного фильма ужасов. В пяти метрах от него два бойца, стоя на четвереньках, жрали третьего, который лежал на животе и скребя ногтями, пытался ползти в сторону выхода, оставляя за собой кровавый след. Пожиратели, не обращая внимания на его потуги, перемещаясь параллельно ему на коленях, и, разрывая зубами мешающую им ткань гимнастерки, вгрызались в его спину. У дальнего от выхода края крыши, еще одно пиршество организовали три солдата, но там их жертва уже не подавала признаков жизни.

Карусель мыслей завертелась в голове Вадима. Тут было и что это конец его карьеры военного, и что ж писать родным погибшего и людоедов, и какой срок он получит за халатность в организации службы, которая повлекла тяжкие последствия, и с чего надо начинать тут и сейчас. Он достал пистолет и оттянув затвор, дослал патрон в патронник.

Вскочив на крышу Язык ударом ноги в плечо, отбросил одного людоеда, а второго сильно ударил кулаком в голову, от чего тот завалился на бок, недовольно гортанно урча. Пострадавший не подавал признаков жизни, видимо болевой шок и обильное кровотечение, уже прикончили беднягу.

Оба людоеда поднялись на ноги и направились к нему. Они смотрели на Вадима не человеческим, ничего не выражающим взглядом. Ему показалось, что глаза у них стали другими, какими-то чёрными и практически не мигающими.

Отходя от них спиной вперед, Вадим в несколько вдохов-выдохов выровнял дыхание и, прицелившись с двух рук, выстрелил ближайшему в ногу. От попавшей макаровской пули нога подвернулась, и боец завалился набок, но тут же сделал попытку подняться, что у него не очень получилось – видимо повреждена была кость. Майора поразило не только полное пренебрежение к боли. Он сразу обратил внимание, что второй солдат после выстрела ускорил шаг, даже, как бы, сделал к нему рывок, а пировавшая в стороне троица, тут же поднялась с четверенек на ноги и направилась в его сторону.

«Плохо, Вадик, плохо! – подумал майор – начал действовать, а вместо положительного результата, только увеличил количество противников».

Он вновь поднял пистолет и сделал два выстрела, по одному в голову каждого зомби-людоеда. Оба рухнули, не издав ни каких звуков, как скошенные, в агонии, продолжая шевелить ногами.

После выстрелов дальняя троица, наплевав на такое важное для любого живого существа чувство как самосохранение, ускорились, приближаясь к нему, вытянув вперед руки. «Эх! Горела хата, гори и сарай! – решил Вадим, и пошел им навстречу, – надо быстрее тут заканчивать». Всех троих он расстрелял с пяти шагов, потратив три патрона. Мельком глянув на чердачную надстройку, увидел копошившегося там бойца, который встретился ему по дороге наверх.

– Эй, военный, давай бегом сюда! – видя, что тот смотрит в его сторону, призывно махнул ему рукой, в которой продолжал держать пистолет, а сам направился к парапету крыши, чтобы осмотреть территорию плаца.

Вид с крыши был удручающим. От столовой в сторону казармы технарей бежал солдат, за которым не очень быстро, но целенаправленно двигалась группа зомби, возглавляемая дежурным поваром в белом колпаке на голове и белом, но уже перепачканном кровью, халате. Солдат убегал, оглядываясь на преследователей, но шансов у него не было. С разных сторон к нему стягивались, сжимая кольцо, более трех десятков фигур.

Спасла Вадима то ли интуиция, то ли удача. Как говорят, почувствовал опасность «спинным мозгом».

Не издав ни звука, не голосом, ни обувью, приблизившийся в плотную к нему со стороны спины солдат, попытался обхватить его двумя руками. Вадим только успел присесть, когда над его головой сомкнулись руки и раздалось утробное урчание.

Схватив вновь обращенного людоеда-неудачника левой рукой за гимнастерку на груди, он сильно дернул его через парашют ограждения и, когда тело наклонилось, подтолкнув его правым плечом, отправил в полет.

Прислонившись спиной к парашюту, майор перевел дыхание. Всего за минуту он убил шесть своих подчиненных.

Теперь пришло время задуматься о дальнейших действиях. На ближайшую перспективу: перевооружиться и попробовать собрать солдат, которые не подверглись воздействию поражающих факторов кислотного тумана.

На дальнейшую перспективу – надо сваливать из зоны поражения.

Вооружиться он решил в оружейной комнате роты на верхнем этаже. Туда и ближе и личного состава там меньше. Поднимаясь на крышу, он видел, что двери оружейки открыты и охраняются двумя солдатами с автоматами, то есть тратить время на их открытие не придется.

Прежде, чем начать действовать, Вадим решил еще раз осмотреться. На плацу для занятий строевой подготовкой две группы зомби устроили пиршество. Количество пирующих сильно превышало наличие пищи, поэтому над поверженными телами неудачников была толкотня. Еще пара десятков бывших военнослужащих, парами или по одиночке, медленно передвигались в разных уголках территории части.

Отсоединив от проводов полевой телефонный аппарат, Вадим подошел к краю крыши, и размахнувшись, швырнул его на асфальт возле КПП. На грохот разбитого аппарата отреагировали все находившиеся на плацу. Бесцельно бродившие и стоящие сразу же направились к пропускному пункту, а пировавшие лишь на несколько секунд отвлеклись от еды, но видимо посчитав, что шум перспективы улучшения меню не увеличил, вернулись к трапезе.

«Слух у них хороший», подумал Вадим и начал спускаться в казарму.

На лестнице было пусто. Остановившись перед дверью в роту, майор тихонько приоткрыл ее на пару сантиметров. В образовавшуюся щель увидел солдата, который стоял на пороге оружейной комнаты, перекачиваясь с пятки на носок. На плече у него висел автомат.

Рывком открыв двери, Язык вскочил в казарму и двумя руками толкнув в грудь солдата, вместе с ним влетел в оружейку.

Солдат упал на спину и пока он поднимался, Вадим закрыл дверь, задвинув внутренний засов. После чего, метнувшись к уже поднимающемуся солдату, нанес ему сильный удар рукояткой пистолета в затылок. Солдат рухнул и вокруг его головы на сером, затертым множеством ног линолеуме, стала быстро растекаться большая тёмно-вишнёвая лужа крови.

За дверью послышались шаги нескольких человек и все то же утробное урчание, которое издавали все заразившиеся, но в двери никто не ломился.

Он осмотрелся. Вдоль стен располагались металлические и деревянные шкафы, в которых хранилось оружие, боеприпасы и снаряжение роты. Один шкаф на десять автоматов, был открыт, в пирамиде стояло шесть АК-47.

Первым делом Вадим начал снаряжать автоматные магазины патронами, из деревянных подставок. Снарядив два десятка магазинов и понимая, что этого может быть недостаточно,

открыл шкаф, в котором штабелем стояли зеленые патронные цинки. Из ящика под окном достал еще три десятка магазинов, и вскрыв цинк, начал их набивать.

– Сейчас, зубастики, я вам покажу, Кузькину мать...

Глава 14.

ЖБК. Плохой рассвет.

06.00

Проснулся Григорий от жуткого визга Ани. Глубокий сон, в который он провалился после стольких эмоциональных потрясений, не сразу дал ему возможность понять, где он находится. Но уже через несколько мгновений вспомнив все, осознав, что все ранее с ним произошедшее, не плод его сновидений, а страшная явь, вскочил на ноги и осмотрелся.

Аварийный дизель, вероятно выработав все горючее в баке, заглох и освещение территории прекратилось, но за окном уже достаточно расцвело, что бы можно было различать обстановку в комнате.

Анна визжала из-за стола и с места нахождения Григория видно ее не было. Метнувшись к столу, он увидел, что Игорь, навалившись на нее всем телом, пытается добраться зубами до ее лица, а она, продолжая визжать, ладонью правой руки задирает его подбородок вверх, а левой отчаянно царапала лицо и, судя по обильно кровоточащим ранам, ногти у нее были не слабые.

Перескочив через опрокинутое кресло, Григорий руками толкнул лейтенанта с девушки в угол кабинета. – Игорь, ты что, охренел что ли?

Перекатившись со спины на бок и вставая на колени, Лашин упер взгляд в глаза Гриши.

«А ведь это уже не Игорь!», – пронзила голову страшная догадка, подтверждая которую, полицейский уркнул и, так и не встав на ноги, попытался дотянуться руками до Григория.

Топор и багор он оставлял в приемной, которая располагалась между кабинетом руководителя комбината и его зама, поэтому Григорий бросился к месту своего ночлега. На полу, у изголовья, которое он соорудил из нескольких журналов и книг, лежал пистолет. Схватив его и помня, что патрон уже находится в патроннике, развернулся к зомби, который уже встал на ноги и сделал к нему первые шаги.

Быстрым движением пальца опустил флажок предохранителя вниз и выстрелил бывшему товарищу по несчастью в лоб. Пуля, с расстояния в один метр пробив лобную кость, вырвала большую часть затылочных костей черепа и выплеснула своей бешеной энергией содержание головы на настенный стенд с итогами плановых показателей предприятия за какой-то там год.

Аня рыдала, забившись в угол.

– Успокойся. Хочешь, я воды принесу? – Федоров присел рядом с девушкой.

– Мы все друг за другом такими станем! – истерично выкрикнула она. – Сначала тот парень, задержанный, потом водитель, теперь Игорь. Кто будет следующим? Я или ты? Кто кого ночью загрызет? – и она вновь зарыдала.

– Ага, тебя загрызешь! Вон как ему рожу разодрала. Чисто пантера. Ты хотя бы ногти не сломала? – Гриша попытался шуткой сбить надвигающуюся на девушку истерику.

Анна машинально посмотрела на свои пальцы: – Нет, не сломала. На месте все.

– Ну и хорошо. Значит, если что, от меня отобьешься. Давай собираться, а то уже светло на улице. Пора дальше что-то придумывать, – он поднялся, снял с трупa полицейского его пистолет и пошел в угол, забирать свои вещи. – Аня, ты стрелять умеешь?

– Нет. Ни разу не пробовала.

– Ладненько, разберемся. Плохо, что с едой плохо, – Гриша улыбнулся такому обороту слов. – Если б с едой было хорошо, то было б хорошо. Но столовую нашу пока прикрыли. Что-то там санстанция нашла. Ну, или денег хотят поиметь, или цемента для дачи руководству надо. Короче, тут еды нет.

– И я с собой в дорогу не брала. Поезд у меня ночной, а утром уже на месте завтракала бы.

– Пошли на улицу. Сейчас придумаю, что с соседкой на кране делать, а потом осмотрим окрестности.

Проблема с крановщицей разрешилась сама собой, пока они спали. Некогда очень красивая, с большим и упругим бюстом, но крепкой и ударной, если надо, рукой, Маша Орлова, лежала на рельсах у основания крана. Ее голова, в синей косынке, раскололась от удара о бетонную шпалу.

– Нет Машки, нет проблемы. Аня, ты тут постой, а я быстро наверх поднимусь осмотреться.

– Боюсь, – заявила Анна. – Вдруг, еще такие придут, – она не сводила глаз с переломанного тела крановщицы.

– Ну, тогда полезли со мной.

– Боюсь. Высоты я боюсь.

– Дорогая ты моя, – взвыл Григорий. – Давай избавляться от каких-то там надуманных страхов. Нам выживать теперь надо. Боишься тут оставаться – давай на пять-шесть ступенек поднимайся за мной и там жди. И ни съест тебя никто, и высота небольшая.

Повернувшись от нее, Григорий начал быстрый подъем наверх, изредка цепляясь висевшим за спиной автоматом за страховочную арматуру лестницы, чем оглашал утреннюю тишину металлическим лязгом.

Раньше кран был небольшой, стрела на уровне третьего этажа, но потом, когда комбинат решили расширять и строить еще один корпус, его нарастили до двадцати метров, а также удлинили его рельсы, что б он мог участвовать и в разгрузке вагонов, и перемещаться на строительство нового корпуса.

Федоров не раз бывал наверху, но сегодня перед ним открылся необычный новый мир. Ни чего, из того ландшафта, что раньше окружал территорию ЖБК, не осталось. Со стороны проходной, как он уже знал, стоял лесной массив из высоких сосен. За полем, километрах в пяти, были видны строения какого-то предприятия с высокой каменной трубой. Раньше, как помнилось Григорию, примерно в том месте располагался дачный кооператив «Пламя», где многих сотрудников комбината были дачи.

И само поле, отделяющее комбинат от нового соседа, было не очень обычным. Это, фактически, было два разных поля. Слева, несмотря на начало лета, стоял вполне созревший подсолнечник, а справа, едва взошедшая кукуруза.

В эти поля клином врезался участок территории от комбината. Одна сторона клина начиналась от проходной, а вторая от тыльных ворот ЖБК. Теперь стали понятны слова крановщицы о том, что туман треугольным сверху казался.

Из вершины треугольника и уходила вдаль граница между подсолнечником и кукурузой.

Не узрев больше ничего интересного, Федоров начал спускаться вниз. Опускаясь он чуть не наступил на голову девушки. – Ты чего не спускаешься? Ты ж видела, что я уже близко?

– Там ходит кто-то, – очень тихим шепотом снизу сообщила Аня. – Вон там, возле того серого здания. Девушка показала рукой направление в сторону арматурного склада и испуганно уставилась на него снизу.

– А ну, чуток отодвинься и пропусти меня, я слезу, а ты тут постой.

Протискиваясь мимо прижавшейся к ограждению лестницы девушки, Федоров невольно прижался к ее груди своей грудью и вдохнул запах ее духов. – Хорошо пахнешь, Анюта. Может зомби на этот дурманящий аромат идут?

Но сильно перетрусившая девушка не отреагировала на комплимент ее парфюмам.

Направляясь к складу, Григорий подумал, что два пистолета ему реально мешают при ходьбе. Один был в кобуре лейтенанта, которую он перевесил на свой поясной ремень, а второй в кармане брюк. Он по началу подумал, что пистолет можно и выбросить, оставив себе запасной магазин, но потом мужская жадность к оружию все-таки взяла верх. Пистолет остался мешать при ходьбе.

Осторожно выглянув из-за угла, Григорий увидел разнорабочего Агапова, узнав его по грязной спецовочной куртке с большим пятном на спине от разлитой на нее желтой краской, который стоя на коленях возле штабеля асбестовых труб, и пытавшегося оттуда что-то достать. Урчащие звуки, которые он при этом издавал, по интонации указывали на большое недовольство и озабоченность проводимыми мероприятиями.

Стараясь не наступать на различный мусор, Федоров вплотную подошел к новоявленному зомби сзади. – Агапов, почему не на рабочем месте? – не понимая зачем, но все-таки спросил он, а когда Агапов повернулся к нему лицом и убедившись по глазам и перепачканному кровью лицу, что это уже не человек, нанес сильный удар обухом топора в висок.

– И что ж ты там такое интересное высматривал? – опустившись на колени он заглянул под трубы, которые были сложены, на уложенные поперек, деревянные шпалы. И вот из этой крохотной щели между землей и трубами на него смотрели два нормальных человеческих, но сильно испуганных глаза, расположенных на испачканном грязью лице молодого парня. – Слышь, чудак, а ты, случайно тараканам мастер-классы не даешь?

– Чего? – тихо ответил незнакомец.

– С твоим талантом пролазить в щели, ты для тараканов должен стать настоящим гуру. Сам вылезешь или помочь?

– Не смогу, точно. Все тело затекло. Я ж тут несколько часов лежу уже.

– Давай руку, я буду тянуть, а ты там ногами помогай, отталкивайся.

Провозившись несколько минут, Григорий вытащил на свет перепачканного землей парня. – Кто ж ты такой и как здесь оказался?

– Белецкий Петр я, из Софиевки в область ехал. На попутке добирался, а она сломалась, и водитель ушел, как туман начался. Я долго сидел-сидел и тоже пошел по проселку, пока в стену бетонную не уперся. Вернее, в ворота в стене.

Парень показал рукой в сторону тыльных ворот комбината.

– Я покричал, думал сторожа позвать, но никто не ответил, – продолжал Петр. – Под воротами пролез и пошел по территории. А как к зданию подошел, то этого увидел, а он меня. И погнался сразу за мной. Я как убежал, коленом стукнулся об угол железяки какой-то. Понял, что не оторвусь, ну и нырнул под трубы.

– А что ж ты его сразу испугался?

– А как не испугаться? Он же там собаку жрал! Прямо зубами мясо вырывал из нее с шерстью. Вся рожа в крови и одежда. У меня от страха чуть ноги не отнялись.

– Собака черная была?

– Да не очень-то я собаку в такой момент хотел рассматривать. И темно было, только свет от лампы на столбе.

– Съел, гад Агапов, сторожевого Туза. Там черный немец на цепи сидел. Вот он им и под харчился. Жалко псину. Ладно, Петя, пошли.

– А куда?

– По бабам! Куда ж еще сейчас можно идти? – наигранно удивился Федоров. – По крайней мере, одна нас сейчас очень сильно дожидается. А нет ни чего хуже, чем женщина, обманутая в ее ожиданиях. Пошли.

Закинув топор на плечо, Григорий направился назад к крану. Следом, постоянно оглядываясь по сторонам, пошел Петр.

Анна сидела в углу, образованном зданием компрессорной станции и складом крановщиков, в двадцати метрах от крана, выглядывая из куста сирени.

– А вот и мы! Знакомьтесь. Анна, это Петр. Петр, это Анна.

Петр кивнул и попросил: – А воды попить можно? Пересохло все, язык как деревянный.

– Сейчас покажу, где попить. За одно, в дорогу воды наберем. И просветить тебя надо – что знаем, то и расскажем. А то ты под трубами ничего и не видел. Пошли к проходной.

Напившись и набрав в две, валявшиеся возле крана полторалитровые бутылки, воды, они подошли к проходной.

– Ого, а тут и полиция была! – показывая на УАЗ воскликнул Петя.

– Была, да сплыла!

– Сбежали?

– Убить их пришлось, они нас скушать хотели. Вот, только свои стволы нам в наследство оставили. Ты, кстати, стрелять умеешь?

– Да. Нас на уроке начальной военной подготовки на полигон возили. Семь патронов из автомата стреляли. И разбирать учили автоматы.

– На стрельбах попал в мишень?

– На тройку отстрелялся.

– Держи автомат. Там три патрона, и пистолет, в нем два осталось. Оружие на предохранителе.

Они обошли полицейскую машину, переступив через труп сержанта. Выйдя из ворот, Григорий показал на валявшиеся перед КПП трупы зомби и обеденные останки Бурмича.

– Это все рабочие нашего комбината, которые после кислого тумана стали людоедами. В них же превратились и полицейские, которые заблудились и сюда выехали. Только я и Аня не изменились.

– Пока не изменились, – вставила Анна.

– Хорошо, пока не изменились, нехотя согласился Гриша. – И мы не знаем, изменишься ли ты в дальнейшем. А поэтому, будем наблюдать не только за обстановкой вокруг нас, но и друг за другом.

Из автомобиля раздались звуки ударов. – А вот нас и услышали. Петр, за эти несколько часов мир изменился. Тут очень опасно. Мне пришлось уже убить трех. Первый раз спасая себя, второй раз, когда отбивать Аню пришлось и третий, когда тебя выручал. Там, в машине, сидит запертый людоед. Он сидит там всю ночь и очень голоден. Сейчас я его оттуда выпущу, а ты, моим топором, его убьешь. Я буду тебя страховать.

Федоров говорил четкими, рубленными фразами, как вбивал гвозди в доску, при этом смотря прямо в глаза Петру. – Ты должен это уметь. А мы, должны быть уверены, что ты не подведешь, когда надо будет отбиваться.

– Я понял, – тихо проговорил Петя. – Страшно, но я попробую.

– Это не игрушка. Тут попыток не много, а всего одна. Я открою двери и стану сзади тебя. Как на тебя пойдет, не бойся. Подпусти его поближе и нанеси один удар в голову, кстати, попробуй бить обухом. Готов?

Петр взял у него топор и кивнул головой.

– Анна, отойди назад, за ворота.

Дождавшись, когда девушка ушла, Гриша залез в машину, отодвинул наружный засов двери «стакана», и, открыв его, резво выскочил назад.

Стук в машине прекратился и через несколько секунд из дверного проема появилась голова бывшего сельского дебошира. Утренние лучи солнца, бившие ему в лицо, заставили его зажмуриться, но он быстро адаптировался к яркому свету, сменившему темень его узилища, и осмотрелся.

Увидев Петра, он довольно заурчал и сразу направился к нему.

На плечо Пети легла рука Григория. – Видишь, как он обрадовался, когда тебя увидел? Вы не знакомы, случайно? Ладно, не ссы, я рядом. Шаг на встречу и удар. Давай.

Петр не подвел. Нанеся сильный удар обухом, как и советовал Григорий, в голову, который пришелся в височную часть, он сразу сразил зомби, который свалился и несколько раз дернув конечностями, затих.

– Вот и чудненько. С почином и тебя, – Федоров склонился к Петру, который бросив топор присел на корточки и начал тяжело дышать. – Я после первого вообще вырвал все, а ты молодец. На вот, хлебни водицы.

Петр сделал несколько глотков и вернул бутылку.

– Кстати, Петя, а где эта твоя Софиевка? Что-то я тут таких населенных пунктов не припомню.

– Сумской район, мы километров десять от села отъехали.

– Сумская? Украина? – воскликнул Гриша.

– Да.

– Хорошенькая тут география получается! Ай, да мир! Все смешалось. Так, гляди, и негры появятся. Ну, что, будем выдвигаться? – Федоров посмотрел на товарищей по несчастью и, дождавшись из согласительных кивков головами, призывно махнул рукой. – Пошли.

Глава 15.

База. Летный ангар.

6.30

– Что? Удивлен? – Касатонов, улыбаясь, смотрел на реакцию Ирме, рассматривающего самолет.

– Да это ж жуткий нафталин! Да еще и англосакский.

– Не ссы, прорвемся. Все приборы управления адаптированы под наши самолеты. Бортовое стрелковое оружие современное: авиационные рельсотроны в носовой части и на корме. Этот борт используют как грузовик. В штате только бортовой стрелок и бортинженер. Остальные сменные, как мы с тобой. На нем ходим на двух двигателях, как правило, внутренних, но иногда «гоняем» и пару крайних, что б не застаивались. А вообще, его выбрали из-за блочной системы сборки. Сюда самолет проблемно протащить. А уж такой крупняк тем более. У «Ланкастера» 36 отдельных модулей. Как конструктор. Обычно этот самолет на внешнем поле стоит, но вчера закончили менять два двигателя. Так что, сейчас нас в шлюзовую тягачом, а потом наверх.

У самолета стояла группа из 8 человек. Один из них повернулся и отдав честь доложил: Самолет к вылету готов. Вооружение в норме. Горючее в оба конца с запасом 200 километров.

– Технарям, спасибо, – Касатонов пожал руку бортинженеру, – внимание, экипаж. Слушаем боевую задачу. Полет на стаб «Игривый». Дальность 550 километров. Туда груз боеприпасов плюс один пассажир. Назад груз около 2-х тонн. Повышенное внимание земле, разведка засекла перемещение в нашу сторону нескольких групп неопознанных местных боевиков. Вылет через 20 минут.

– Еще. Представляю лейтенанта Ирме Малофа. Второй пилот. Вчера только прибыл и с корабля на бал.

Обращаясь к Малофу, Касатонов представил остальных членов экипажа: штурман, лейтенант Шайтанов Олег, бортинженер, лейтенант Середа Вадим, кормовой стрелок, рядовой Протасов Андрей, и бортовой стрелок, сержант Гримми. Все, снаряжаемся и по местам. Вон уже и майор мчится.

В павильоне, рядом с самолетом, все облачились в именные скафандры. Именно облачились, так как каждому помогли два специалиста. Они же проводили всех в самолет и помогли занять места. Без скафандра был только Гримми.

– Гримми иммунный. Читал о таких?

– Да. Местный?

– Нет, наш. Полгода назад свалился на Иле. Был бортовым стрелком. Самолет вдребезги, пилот погиб. Гримми, его тогда по-другому звали, в скафандре выбирался, пока его тварь не порвала. Тварь, то, он завалил, а потом решил никуда не идти, пока лотерея сыграет. Забился в какой-то домишко и сидел три дня. Когда понял, что иммунный, пошел к Базе. По пути его союзники подобрали и к нам доставили. Они же его и перекрестили в Гримми, есть такая традиция, если выжил, вдохнув воздух местный, надо о прошлом имени забыть. Новая жизнь, новый человек. А союзникам за это бонус офигенный – броневедомитель с модульной системой вооружения, и полный боекомплект.

На тягаче включился желтый проблесковый маячок, и они медленно вползли в шлюзовую камеру, из которой, после выравнивания давления, отбуксировали на огромный подъемник, поднявший их на поверхность.

На летном поле стояло 4 Ли-2 "Овод" и 6 Ил-2К.

– Остальные в ангаре, он сзади, ты не увидишь отсюда. У нас 12 «Карателей». Есть еще вертолетная группа, в которой один Ми-24 «Зевс», четыре Ми-8 «Уран» и четыре импортных

«Робинзона», а также группа беспилотных аппаратов. Там и ударные есть, и разведчики. Но с этими мы очень редко взаимодействуем, так как они больше с «наземниками» работают.

Тягач остановился. Сотрудник аэродромной obsługi в легком скафандре отцепил сцепку от самолета и показал водителю и пилоту поднятые вверх большие пальцы. Тягач ушел назад к шлюзу.

– Гнездо, я Шмель-4. К взлету готов.

– Шмель-4, взлет разрешаю. Удачи.

Набрав высоту 500 метров, самолет взял курс на северо-запад.

– Дальше пойдем с набором до 700 метров. Максимум тут 1000. А ближе к черноте 100-150 метров, выше все отказывает. А чернота вверху не стабильна, гуляет и по высоте, и по границе. Скорость 300. Максимум на этой лошадке 450, но мы никуда не спешим. Поглядывай вниз, твой сектор от 12 до 3 часов.

Спустя десять минут, Касатоно отдал приказ: – Принимай управление, почувствуй машину – сказал Касатонов, – перед посадкой возьму на себя.

– Есть, принял.

Осмотревшись, Ирме обратил внимание, что на земле в разных местах клубится туман.

– Перезагрузки кластеров, – пояснил Касатонов. – В подконтрольной Базе зоне, все кластеры описаны, маршрут прокладывается в зависимости от их перезагрузок. Но этот мир про считать нельзя. Он может удивлять, как правило, нехорошо удивляет.

Глава 16.

Парочка. Злой двор.

07.00

Когда Олег проснулся, в окно, сквозь шторы, пробивались лучи, уже давно поднявшегося над горизонтом солнца. На часах было семь часов.

Аккуратно, чтобы не разбудить, Олег, убрав с себя руку Оксаны, встал с кровати. Свет в туалете не включился.

Прошлепав босыми ногами на кухню, Олег взглянул в окно. От увиденного он опешил и шагнул в сторону газовой плиты аккуратно вновь выглянул на улицу.

Его поразило не то, что в пятистах метрах от дома, вместо привычных панельных девятиэтажек, раскинулся большой частный сектор, с множеством деревьев, заборов и разномастных крыш.

Внизу, на придомовой парковке, три женщины, стоя на коленях, рвали зубами младенца. Рядом, на боку лежала розовая детская коляска и выпавшее из нее одеяло.

В пяти метрах от них еще две женщины, стягивали с ветки ореха мальчугана лет пяти. Паренек из последних сил держался за ветку и кричал – Мама, мамочка, не надо! Одна женщина тянула его за ногу, вторая вцепилась зубами во вторую ногу. Крик паренька, приглушенный стеклопакетами пластикового окна, сорвался на визг, силы оставили его, пальцы разжались и он, рухнув вниз, исчез из вида, скрытый фигурами, которые тут же склонились над ним.

– А что это ты тут притаился? – в кухню вошла Оксана.

Олег метнулся к ней и обняв за плечи оттеснил вглубь коридора. Ей этого видеть нельзя. Надо сначала подготовить морально, если вообще можно к такому подготовить человека.

– Бельчонок, давай сейчас договоримся. Ты побудешь в комнате. На балкон выходить не будешь и шторы открывать, тоже не будешь. Оденься и подумай, сколько и какой еды есть в квартире, сколько воды и есть ли какие-нибудь предметы, которые можно использовать как оружие. В городе что-то произошло. Я пока понаблюдаю, сделаю выводы и все тебе расскажу. Хорошо? Договорились?

– Мне уже страшно! Ты меня пугаешь? – она с опаской взглянула на окно.

– Не пугаю. Я сам вначале осмыслю, а потом тебе все расскажу. Ни чего хорошего там нет. Но мы разберемся и вместе придумаем, что делать.

– Хорошо. Вещи собирать?

– Да. Вариант – для похода. Удобная обувь и одежда.

Олег вернулся к окну.

В этот момент во дворе появилось новое действующее лицо. Из соседнего подъезда дома во двор вышел советский Рембо. Мужик, весом под сто килограмм, высокого роста, одетый в тельняшку-безрукавку, сине-серые камуфлированные брюки. В берцах и бандане. В руках он держал двуствольное охотничье ружье, второе ружье, судя по всему пяти зарядное МЦ, 12 калибра. Один патронташ был на поясе, второй переброшен через левое плечо.

Выйдя из подъезда, он двумя выстрелами свалил женщин, поедавших младенца. Переломив ружье, поменял отстрелянные патроны на заранее зажатые зубами и тут же выстрелил в поедавших мальчика.

После выстрелов двор начал наполняться. Из-за гаражей появилось шесть мужиков. Еще около десяти фигур начали двигаться от торговых киосков. Со стороны детского сада приближалось еще больше. Они совершенно были равнодушны к стрельбе. Наоборот, это их притягивало. Олег увидел, как из окон дома, слева наискосок от их дома, в окнах появилось множество фигур, которые били руками в стекла. Стеклопакеты пластиковых окон такие удары держали, а вот там, где были обычные стекла, несколько человек, разбив их, вывалились из

квартир. Упавшие с нижних этажей поднялись, как ни в чем не бывало, и побрели к месту стрельбы. Те, которым пришлось пролететь несколько этажей, не смотря на явные переломы рук и ног, упорно продолжали ползти на шум боя. Несколько тел, с разбитыми об асфальт головами, остались лежать на месте падения.

Рембо, пользуясь тем, что расстояние до приближавшихся было все еще достаточным для своевременной перезарядки, поменяв оружие, открыл огонь из пятизарядки. Первыми он положил пятерых обитателей гаражей. Шестой, успевший приблизиться пока стрелок снаряжал магазин, был убит боковым ударом приклада в висок.

После этого стрельба была перенесена на другие группы подходивших.

Олег переживал за стрелка, но больше смотрел на поведение нападавших на него людей. Ему важно было понять, с чем они столкнулись и с каким противником ему, рано или поздно, придется сталкиваться.

Рембо успел еще дважды перезарядить оружие, не сходя с одного места, но его постепенно окружали все прибывающие голодные фигуры. Поняв это, он сделал перебежку в сторону гаражей и воспользовавшись створкой приоткрытых ворот, взобрался на крышу, от куда продолжил отстрел.

Через пятнадцать минут возле гаражей собралось около сотни мужчин и женщин, пытавшихся взобраться на крыши, он им явно не хватало сообразительности, чтобы это сделать. В ряду было около 30 примыкающих друг к другу гаражей и как-то взобравшись, на дальнем от стрелка краю гаражей, появилось несколько фигур. У виде их он, вновь перезарядившись, побежал к ним, но стрелять не стал, экономя патроны. С этими противниками Рембо расправился, используя одно из ружей как дубину, нанося удары в головы. За тем, видимо оценив количество противников, несколько раз выстрелив с крыши, спрыгнул вниз.

Собравшаяся возле гаража толпа, потеряв из вида объект охоты, частично разбрелась. Но большинство, около шестидесяти, остались на месте и странно перекачиваясь с носка на пятку, уставились в даль.

– Его дядя Витя зовут, – услышал Олег голос Оксаны у себя за спиной. – Он таксистом работал. Во втором подъезде с мамой живет. Извини. Я стрельбу услышала. Там все сошли с ума?

– Еще не знаю. Надо смотреть и думать. Собралась?

– Да, посмотришь потом. Я пыталась маму набрать, но связи нет. И света нет. Неужели везде так? Или только у нас?

Олег взял ее за плечи и посмотрел в глаза. Девушка была на грани нервного срыва.

– Спокойно, Бельчонок. Мы во всем разберемся и выкрутимся. Только надо хорошо подготовиться.

С улицы раздалось еще три выстрела. Олег вернулся к окну. Толпа оживилась и пришла в движение. Все стали смещаться в дальнюю сторону гаражей, где скрылся Рембо. Оттуда раздалось еще два выстрела и толпа четко сориентировавшись, ускорила в том направлении.

Во дворе осталось с десятков, которые поедали тела убитых Рембо.

Олег вернулся в комнату к Оксане. Она сидела, забравшись на кровать, обхватив колени руками.

Он сел рядом с ней и обнял за плечи.

– Скорее всего, все, что происходит в городе, результат химического ночного тумана. Произошло заражение населения, но не всего. На нас с тобой это не проявилось. На дядю Витю тоже. Скорее всего, есть и другие люди, на которых это не проявилось.

– Может и мы позже заболеем?

– Не накручивайся. Я так понял, что если заразимся, то это уже будем не мы, а зомби какие-то.

Олег, вновь подойдя к окну и смотря на улицу, продолжил размышлять. – Что мы имеем? Первое. Люди становятся плотоядными. Жрут в первую очередь не обратившихся, но и собратьями не брезгают. Второе. Мало чувствительны к боли и повреждениям, но вполне смертны от огнестрела и травм головы. Чувства страха и самосохранения нет. Третье. Очень хороший слух. С обонянием пока не понятно. Четвертое. Их много. Очень много. Из того, что мы сейчас наблюдали, на сотню зомби нас только трое. Но сколько еще из них не вышло из квартир? Пятое. Они все своеобразно урчат. Это либо изменения в голосовых связках, либо уже такой способ коммуникации. Это, что касается живых.

Сделав паузу, он приложился к носику чайника и жадно напился из него воды. – Сушит что-то. Волнуюсь. Теперь местность. Ты видела, что вместо части города село появилось? Фантастика! Выходит, к нам перенесло кусок другой местности.

– Или нашу часть города куда-то перенесло.

– Надо сваливать из города. Тут долго не просидим. Воды мало, еды еще меньше. Ты как себя чувствуешь?

– Голова болит и пить хочется. Уже раз пять пила, жажда не проходит. Выпила таблетку от головы, не помогает.

– Так. Давай посмотрим, что мы собираем в дорогу.

Олег осмотрел приготовленные подругой вещи. Два женских рюкзака. Пятилитровая баклажка с водой, две груши, почищенный, но целый апельсин, три яблока, почти пустая банка меда.

– Да уж... С таким запасом еды мы долго не протянем.

Олег посмотрел на Оксану. Подруга стояла возле окна. На ней был синий спортивный костюм и белые кроссовки.

– Бельчонок, я сейчас прошвырнусь по квартирам. Нам нужна еда в дорогу и мне одежда. В костюме и туфлях неудобно бегать. Вспоминай, кто в подъезде жил моей комплекции?

– В моем блоке в обеих квартирах старики. На той стороне площадки одна квартира пустая вроде, во второй женщина с сыном-подростком. Выше, над моей квартирой, пара квартир, только заехали, но он худее и выше ростом. На первом этаже, справа от лифта, часто выходил мужик, такого же роста, но в какой квартире он живет не знаю.

– Что у тебя, кроме кухонного ножа, еще есть колющего или режущего? Кроме вилок. Топоры, молотки, большие ножи?

Оксана, изобразив на лице виноватое разочарование, развела руками. – Увы, мне того ножичка достаточно было.

– Блин! Как же квартиры вскрывать?

– А посмотри на балконе. Там после ремонта какая-то железяка оставалась. Все никак не выбрасывала.

Осторожно выглянув на балкон, Олег увидел прут арматуры, длиной сантиметров 120 и толщиной в сантиметр. Еще приятным бонусом было то, что отрезали этот прут под углом. Так что один конец был с хорошим острием.

– Для начала пойдет, – довольный Олег вышел в коридор. – Закрой за мной, – и предупредив реплику Оксаны сразу сказал, – нет, со мной нельзя. Знаю, что тебе страшно оставаться самой, но, пойми, тут безопасней и одному мне будет удобней, а значит быстрее, все сделать. Я как вернусь, сам открою двери тамбура ключами, а в твою стукну два раза и еще два удара после паузы. Все, не морщи носик, я пошел. Повалейся пока, в окно не высывайся, а то еще привлечешь к себе внимание.

Сунув ключ в карман брюк, Олег приоткрыл двери в тамбур и прислушался. Ни услышав ничего подозрительного, вышел и закрыл двери. Оксана щелкнула замком.

Так же аккуратно он выглянул на лестничную площадку. Осторожно спустился на площадку первого этажа.

Двери тамбура, где хотел побывать Олег, была приоткрыта. В тамбуре было две двери, металлическая и деревянная.

С металлической, без вариантов. И долго, и шума много. Прикрыв двери тамбура, он подошел к деревянной двери и приложив ухо к ее полотну, стукнул кулаком. Не услышав ничего подозрительного, Олег, надавив плечом на дверь, вставил острый конец прута в образовавшуюся щель чуть выше замка и орудуя им, как рычагом, начал расширять щель. Скрип повреждаемого дерева казался ему жутко громким. Шурупы накладного замка двери сопротивлялись не долго и дверь распахнулась во внутрь комнаты, от чего Олег едва удержался на ногах.

Это была двухкомнатная квартира. Комнаты и кухня были пустыми, а вот в ванной урчал неприятный сюрприз, который, вероятно, не мог самостоятельно открыть двери.

Первым делом Олег осмотрел спальню. Облом. Судя по вещам в шкафу, в квартире мужчин не было. Добычей стал большой кухонный нож, буханка белого хлеба, спички, банка шпрот, банка иваси в томате и грамм двести сухой колбасы. Все сложил в найденный тут же пакет и вынес в коридор.

В зале, выйдя на балкон (спасибо чешским проектантам за балконы на первых этажах) очень обрадовался, что балконы смежных квартир не застеклены. Сидя на корточках за ограждением балкона, Олег осмотрел улицу. Не заметив вблизи ни чего подозрительного, встав на табуретку, перескочил на соседний балкон и сразу присел.

Так же, на корточках, приблизился к окну. Закрыто. Значит, только бить стекло. Хорошо не пластиковое. Взяв лежащую на полу куртку, намотав ее на руку, резким ударом разбил в балконной раме оба стекла и сразу же присел, скрывшись от возможных свидетелей, которые могли бы отреагировать на звон стекла.

Осколки со страшным звоном, осыпались в комнату, из которой тут же раздалось утробное урчание хозяина. Зомби – некогда мужчина, плотного телосложения в синей, окровавленной майке и семейных синих трусах, попытался пролезть в оконный проем. Мешкать было опасно. Урчание могло привлечь других зомби. Олег, собравшись духом, удобно перехватив арматуру, как копьём нанес удар в грудь, чуть ниже видневшегося из-под майки соска.

Как-то удивленно уркнув, зомби дернулся и закинув назад голову, рухнул на спину, утащив с собой торчащую в груди арматуру.

Быстро выбив, оставшиеся в нижней части рамы, осколки стекла, Олег пролез в комнату. – Ну, с почином, Олежа, – пробормотал он сам себе, – думаю не последний. Выдернув прут из груди, обтер его о скатерть стола и, выйдя в коридор квартиры, быстро осмотрел все комнаты. Больше никого из живых не было. В спальне, в дальнем от входа углу, за кроватью, под свалившемся торшером, лежало растерзанное тело женщины. Одна грудь и часть живота были выедены. Практически до черепа, объедена была и правая часть лица.

От увиденного, спазм перехватил дыхание. Сделав несколько глубоких вдохов, Олег подавил рвотные позывы, вернулся в коридор и сел на стул, продолжая глубоко дышать. Промелькнула мысль, что от киношного шаблона, когда происходит первое в жизни убийство, люди обязательно отходят в сторону и рвут, его убийство бывшего хозяина квартиры практически не смутило. А вот вид растерзанной женщины его впечатлил.

Осмотр квартиры Олег начал с кухни. В актив сразу попал кухонный топорик для разделки мяса с широким лезвием и короткой пластмассовой рукояткой. Холодильник порадовал большим куском соленого сала, завернутого в бумагу, внушительным куском вареной колбасы и сосисками в вакуумной упаковке.

Все, что имело признаки пользы, переключивало на кухонный стол. Туда же отправились пакет с сахаром, пачка соли, упаковка спичек, зажигалка.

В коридоре он увидел две пары кроссовок. Сняв свои туфли, Олег примерил понравившиеся ему синего цвета. На ноге они сидели удобно.

Вернувшись в зал, осмотрел платяной шкаф. В актив перекочевала куртка-штурмовка с капюшоном и множеством карманов, две футболки, большой рюкзак, свернутый в рулон.

В серванте нашлась домашняя аптечка. В лекарственных средствах Олег разобрался на уровне «это от поноса, а это зеленка», поэтому все ссыпал в пакет. Пусть Оксана разбирается.

Немного подумав, вернулся к шкафу и забрал оттуда еще и серый свитер, а то мало ли какая погода будет.

Кладовочка мало чем порадовала. Хозяин рыбак. Резиновая лодка, куча удочек и спиннингов. Палатки не видно. В актив перенес рулон широкого скотча, молоток и медицинский жгут.

Еще раз окинув взглядом квартиру, Олег все находки сложил в найденный рюкзак, п прихватив с вешалки черную бейсболку, вышел в тамбур.

Зайдя в квартиру, с которой он начал мародерку, забрал собранный там пакет и собирался уже возвращаться в квартиру к Оксане, но тут ему пришла в голову мысль об урчащей в ванной хозяйке.

Оставив в тамбуре собранные вещи, Олег, вооружившись молотком, подошел к двери ванной. Повернув ручку, приоткрыл дверь и отскочил вглубь коридора.

Престарелая хозяйка, с длинными седыми волосами, собранными в хвост на затылке и длинном махровом халате бежевого цвета, тут же появилась в дверном проеме. Движения ее были замедленны, видно оголодала. Не отводя от Олега глаз, она медленно двинулась к нему. Он мог спокойно покинуть эту квартиру, но хотелось, во-первых, привыкнуть убивать для будущего прорыва из города, и, во-вторых, понять повадки новообращенных зомби.

Когда расстояние до Олега сократилось до двух шагов, женщина резко протянула к нему руки, пытаясь схватить за одежду. Готовый к этому, он сделал назад всего один шаг. Потеряв выскользнувшую из-под рук опору зомби упала на живот, растянувшись на линолеумом полу и подставив Олегу свой затылок. Он наклонился и нанес ей удар молотком в голову. Зомби, подогнув под живот согнутые колени, затихла.

Переведя участвовавшее дыхание, Олег пошел в туалет и обмыл в сливном бачке унитаза окровавленный молоток.

Глава 17.

Мент и урка.

07.00

Выйдя на крыльцо, Мелов понял, что планирование своих действий, даже на очень короткую перспективу – это не его. Собаки во дворе уже не было, а возле ее будки, на земле, сплелись в один клубок тела нескольких человек, одним из которых был незнакомец в плаще. Плащ этот уже утратил свой прежний шик, так как сильно был перепачкан кровью, землей, куриными перьями и собачьим дерьмом, в изобилии украшавшим участок двора на длину цепи лохматого пустобреха.

А бабушки в селе бойкие. Две бабульки, показывая чудеса силы и ловкости, додавливали своим весом здорового, сильного и опытного мужчину. В стороне от этой свалки тел, на земле сидела еще одна женщина в голубом платке. Справа в боку у нее торчала рукоять ножа.

– Гребаный экскаватор! – вырвалось у Мелова. Количество трупов в маленьком селе грозило превысить средне бюджетный фильм об американских гангстерах. – Женщина, не двигайтесь, а то, повредите сильнее внутренности. И нож, тоже, не трогайте. Терпите до приезда врачей, – крикнул Владимир раненой.

Услышав его голос, женщина повернула к нему лицо. Неуклюже поднявшись на ноги, она двинулась к нему, издав какой-то урчащий звук. Владимир сделал к ней навстречу несколько шагов, хотел помочь ей дойти до скамейки возле входа в дом, но женщина, игнорируя боль от ножа в ее теле, вцепилась зубами в руку сержанта. Боль от укуса была жуткой. Она не хотела его укусить, она хотела откусить его мясо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.